

*А. Н. Соболев, М. Л. Кисилиер, В. В. Козак, Д. В. Конёр,
А. Л. Макарова, М. С. Морозова, А. Ю. Русаков*

*ИЛИ РАН — СПбГУ — Марбургский университет,
ИЛИ РАН — СПбГУ, ИЛИ РАН — БАН, ИЛИ РАН,
ИЛИ РАН — Цюрихский университет, ИЛИ РАН — СПбГУ,
ИЛИ РАН — СПбГУ, Санкт-Петербург*

ЮЖНОСЛАВЯНСКИЕ ДИАЛЕКТЫ В СИМБИОТИЧЕСКИХ СООБЩЕСТВАХ БАЛКАН¹.

Доклад на XVI Международном съезде славистов. Белград, 19–27 августа 2018 г.

1. Введение²

Решение вопроса о специальных для Балкан и общих для Евразии процессах языковой и культурной конвергенции и дивергенции позволит получить научное представление об ушедших в прошлое, современных и будущих многоязычных и поликультурных обществах. Данная работа представляет результаты изучения балканской конвергентной группы языков на уровне территориальных диалектов на основе новых системно организованных материалов, полученных историко-филологическим анализом языка письменности или собранных непосредственно в поле по специально разработанным программам.

Современные модели контактного взаимодействия не в состоянии ни описать, ни объяснить те два вида процессов, которые интересуют нас: 1) происходящие в симметричной ситуации двуязычия без доминирования одного языка над другим и 2) приводящие к возникновению конвергентных языковых групп, т. е. языковых союзов [Muysken 2013: 726]. Основной проблемой здесь является трудность доказательства именно контактной обусловленности конкретного структурного изменения в каждом

¹ Исследование выполнено за счет гранта РФФИ «От сепарации до симбиоза: языки и культуры Юго-Восточной Европы в контакте» (проект № 14-18-01405). Руководитель проекта А. Н. Соболев.

² Автор раздела А. Н. Соболев.

балканском языке в противоположность структурному изменению, вызванному внутренними причинами. И хотя непосредственное наблюдение за «контактом в действии» возможно в речи, при условии что мы располагаем достаточным количеством транскрибированных записей спонтанной речи многоязычных и одноязычных информантов (ср. [Adamou 2016]), лишь в исключительно редких случаях лингвист-балканист обретает возможность непосредственно наблюдать процессы языковой интеграции значительных групп людей. При этом нынешнее состояние технологий не позволяет обеспечить этот вид исследований данными, в достаточной степени релевантными количественно, а не только качественно.

Юго-Восточная Европа изобилует компактными ландшафтно отграниченными рустикальными микрорегионами, население которых образует не очень многочисленную, относительно изолированную, обычно — но не всегда — единую группу в административно-политическом, экономическом, этнографическом, языковом и культурном отношении. Внутри подобных сообществ, обычно патриархальных, исключительно сильна роль родовых связей, определяющих такие основные жизненные приоритеты, как организация поселений, экономическое взаимодействие, выбор брачного партнера, ценностные ориентиры и проч. Объект нашего исследования — самые редкие из таких групп, двуязычные, с южнославянским диалектом как одним из контактирующих языков. Цель историко-филологической и экспедиционной работы³ авторов в различных районах запада Юго-Восточной Европы состояла в сборе материала по языковой и этнокультурной интерференции, необходимого и достаточного для ответа на вопрос, являлись ли в прошлом или являются в настоящем обследуемые микрорегионы местом этнической, лингвистической и культурной конвергенции и синтеза в целом и в каких сферах в частности.

³ В ходе историко-филологической и экспедиционной деятельности созданы, обрабатываются и постоянно пополняются лингвистические корпуса, текстовые, аудио- и видеоархивы по балканским языкам и культурам, в частности Архив МДАБЯ 1995–2013, хранящийся в МАЭ «Кунсткамера» РАН.

Осмысление жизни человека может быть истинно научным предприятием, лишь если факты жизни, устанавливаемые наблюдением, имеются в необходимом количестве, если внутри избранного для рассмотрения сегмента вскрыты системные связи между отдельными фактами, если системные связи вскрыты также между избранным для рассмотрения сегментом и миром, если эта деятельность производится с учетом варьирования фактов и связей во времени и пространстве и если она приводит к экспликации роли избранного сегмента в жизни вообще и к верифицируемой экспликации мотивов поведения людей и их групп [Соболев, Новик 2013: 8].

Собранные с использованием программ-вопросников, системно организованные, сопоставимые между собой и с их аналогами сведения позволяют полно описать конкретную локальную культуру и ее язык, определить их место на этнографической и лингвогеографической карте региона в кругу других. В отличие от «Малого диалектологического атласа балканских языков» [МДАБЯ 2003; 2005a; 2005b; 2006; 2009; 2010; 2012; 2013; 2018], ориентированного на получение и анализ максимального по объему, абсолютно сопоставимого в межязыковом и культурном плане материала по минимальному числу наиболее репрезентативных диалектов балканских языков вне зон современных этнических и лингвистических контактов, новые историко-филологические исследования и балканские экспедиции РАН и СПбГУ с 2008 г. проходят именно там, где наблюдалось в прошлом или наблюдается в настоящем тесное и интенсивное межэтническое и лингвистическое взаимодействие и формируются особые малые этнические группы (ср. [Соболев, Русаков 2005]).

В качестве объекта исследований были избраны территориальные диалекты ряда многоязычных областей, в которых отношения между этническими и лингвистическими группами можно охарактеризовать как сепарацию, точечные контакты и симбиоз. Последний в настоящее время не имеет однозначного определения и может пониматься в широком смысле как непосредственное сосуществование разноязычных групп населения, сопровождающееся двуязычием (ср. [Muljačić 1967; Tekavčić 1976: 35–36]), а также в узком смысле как нахождение групп людей в отношении дополнительной дистрибуции друг к другу [Barth 1969] или в специальных смыслах — как инклюзия одной группы в другую, как лингвистическая экзогамия и т. д. Это следующие регионы:

1) Преспа в Македонии, Албании и Греции — эпицентр балканизующих процессов в албанском, новогреческом, арумьинском и македонском языках (см. напр., [Makartsev, Wahlström (eds.) 2016]);

2) Цакония в Греции, начиная со Средних веков предположительное место контакта греков, романцев, албанцев и славян;

3) Остров Крк в Кварнерском архипелаге в современной Хорватии, где со Средних веков находились в контакте греческий, латинский, далматинский (и иные романские), церковнославянский языки, а также древние и современные чакавские диалекты хорватского языка;

4) Голо Бордо в Восточной Албании, район древнего и современного албанско-македонского контакта при возможном в прошлом балканороманском субстрате;

5) Мрквичи на юге Черногории, место древнего и современного албанско-сербохорватского контакта при средневековом романском субстрате;

6) Карашево в Румынии, где контактируют карашевский говор сербохорватского языка и банатские и унгуриянские румынские диалекты.

Сопоставительное изучение свидетельств древних памятников письменности и современных диалектов, находящихся в роли адстрата в разных контактных ситуациях (в т. ч. в эпицентре балканизации), позволяет поставить вопрос о том, могут ли полиэтничные, полилингвальные и поликонфессиональные сообщества XXI в. служить «моделью как для научной реконструкции этноязыковых процессов в Средние Века, Новое и Новейшее время, так и для прогнозирования хода подобных процессов в будущем» [Соболев, Новик 2013: 10]. Помимо задач сбора нового материала, детального изучения конкретных языковых ситуаций, процессов и результатов языковых изменений, перед нашими исследованиями стоит вопрос, характеризуются ли изучаемые сообщества, в частности разные симбиотические, особым видом билингвизма, а их языки — повышенной степенью взаимной аккомодации и, следовательно, большей степенью проявления аллоглоссии в ареале близкородственных диалектов? Являются ли они периферийным явлением, вряд ли игравшим существенную роль в процессах балканской миксоглотии в прошлом, или им стоит отвести более важную роль? Решение этих общих вопросов позволяет попутно

проверить гипотезы о креолизации на Балканах вообще (см., например, [Hinrichs 2004]). Важны и другие теоретические вопросы славянского и балканского языкознания. Есть ли пределы у структурной конвергенции славянских и балканских языков? Есть ли корреляции между параметрами конкретной контактной ситуации на Балканах и наблюдаемыми языковыми изменениями? Возможно ли восстановить параметры контактной ситуации в прошлом, опираясь на результаты языковых изменений, или спрогнозировать языковые изменения в будущем? Можно ли преодолеть гносеологические ограничения собственно лингвистических методов исследования? Настоящая работа представляет собой первое приближение к новому материалу и предварительные размышления о возможных ответах на поставленные вопросы.

2. Южнославянские диалекты в эпицентре балканизации⁴

2.1. Преспа

Регион Преспанских озер, или (далее) **Преспа** — это высокая горно-озерная ландшафтно изолированная область (котловина) в географическом центре Балканского полуострова [Пјанка 1970; Јовановски 2005: 9–13; Nexhipi 2013]⁵. Начиная с ранних Средних веков, Преспа представляла собой цельный природно-географический и экономический ареал с мозаичной этнической, этноконфессиональной, языковой и культурной структурой. Сегодня полити-

⁴ Автор раздела А. Л. Макарова.

⁵ Регион Преспанских озер в македонской географии традиционно делится на области Верхняя Преспа (мак. *Горна Преспа*) и Нижняя Преспа (мак. *Долна Преспа*). Предполагается, что данное деление восходит к его административному членению, устоявшемуся в османский период. Турецкая администрация делила регион на две нахии: Ресенскую и Нижнепреспанскую; деление закрепилось вследствие установления государственных границ в 1913 г. К области Верхняя Преспа относятся села, расположенные на западном и восточном берегах Большого Преспанского озера, а также в области Ресенско Поле [Пјанка 1970: 116]. В греческой и албанской географии регион делится на Большую (греч. Μεγάλη Πρέσπα, алб. *Prespa e Madhe*) и Малую Преспу (греч. Μικρή Πρέσπα, алб. *Prespa e Vogël*).

ческие границы разделяют эту область между республиками Албанией, Грецией и Македонией⁶. Из двух возможных контактных сценариев (языковой сдвиг и сохранение языка в условиях длительного сосуществования идиомов А и В [Thomason, Kaufman 1988]) сдвиг здесь претерпело арумьинское население, перейдя на македонский язык⁷, тогда как длительное сосуществование двух языков наблюдается в ряде сел Верхней Преспы, где билингвальны не только албанцы, что является типичным для Республики Македонии [Kahl 2005], но и македонцы⁸. Подобная ситуация нехарактерна для других регионов страны и зафиксирована только в Преспе.

2.2. Грамматическая конвергенция

Население региона Преспа представляет собой многоязычное и поликонфессиональное сообщество, языки которого могут конвергировать в области грамматических систем вплоть до возникновения изограмматизма, гораздо более глубокого, чем на уровне балканского языкового союза в целом. Симбиотический, в широком смысле, характер проживания нескольких этнических

⁶ Государственные границы проходят по водам Большого Преспанского озера. В течение нескольких последних десятилетий жители Преспы, разделенные административными границами, максимально изолированы друг от друга из-за запрета на перемещение из одной страны в другую по водам озера и отсутствия пограничных переходов (за исключением одного между Албанией и Македонией [Соболев 2013: 98]).

⁷ Если еще в конце XIX в. в регионе Горна Преспа насчитывалось более двадцати тысяч владов [Кънчов 1900], то данные переписей населения XX в. демонстрируют постепенное уменьшение их количества вплоть до одного десятка в начале XXI в. [Јовановски 2005]; в Ресене осталась только одна семья, старшее поколение которой еще помнит арумьинский язык.

⁸ Из 46 населенных пунктов македонской Преспы сегодня только в шести селах (не считая административного центра области — г. Ресен) проживает смешанное албанско-македонское население: Крани, Наколец, Грнчари, Арвати, Асамати и Горна Бела Црква. Эти села компактно расположены на северо-восточном берегу Преспанского озера (исключение составляет село Наколец, которое находится на юго-востоке). Арумьинское население проживает в Ресене и прилегающем к нему селе Янковец.

групп⁹, относительная физико-географическая изоляция, особенности языковой ситуации и структур контактирующих языков привели к некоторым изменениям их исконных грамматических систем.

В частности, глагольные формы (т. е. средства выражения универсального набора грамматических значений области времени и модальности) во всех трех языках региона демонстрируют некую общую претеритальную систему, которая сложилась путем постепенного «приспособливания» их друг к другу. При этом арумынский и македонский языки использовали как внутренние, так и заимствованные структурные средства, чтобы восполнить «пробелы» в своей первоначальной модально-темпоральной системе.

Формальные средства выражения грамматических значений¹⁰ в диалектах региона Преспа могут быть разделены на три группы: I. *изофункциональные* и *изоморфные*; II. *изофункциональные, но неизоморфные*; III. *изоморфные, но аллофункциональные*.

Помимо значения результативного перфекта, изоморфно в македонском, арумынском и албанском диалектах региона Преспа выражается весь спектр темпоральных значений, а также итератив (последнее значение не всегда будет выражаться изоморфно в свободных нарративах). Для выражения этой группы значений используется аорист и имперфект, в зависимости от аспектуального характера ситуации (форма аориста — для значения перфективного пунктива, форма имперфекта — для имперфективного дуратива). При выражении значения итератива используется форма имперфекта. Так, в примерах 1, 2, 3 формы аориста выражают грамматическое значение недавнего прошедшего; в примерах 4, 5, 6 — результативного перфекта.

⁹ В исследовании рассматривались только те три языка данного многоязычного региона, которые входят в балканский языковой союз: македонский, албанский и арумынский.

¹⁰ Под «грамматическими значениями» здесь имеются в виду такие значения, которые могут считаться частью «универсального грамматического набора», т. е. «такого множества значений, которые используются в языках мира для формирования грамматических категорий». В основании лежит идея о том, что грамматические системы всех языков мира черпают из общего смыслового источника, специфически отбирая и организуя свой языковой материал [Плунгян 2011: 142].

- МАКЕДОНСКИЙ
(1) *гледај само што го купив ова*
смотри только что его купить.AOR.1SG это
'Смотри, я только что это купил/-ла'.

- АЛБАНСКИЙ
(2) *shiko jë vetëm që sa e*
смотри его/ее только что только_что его/ее
bleva këtë
купить.AOR.1SG это
'Смотри, я только что это купил/-ла'.

- АРУМЫНСКИЙ
(3) *mutre samo ci o kumpraj aist*
смотри только что ее купить.AOR.1SG это
'Смотри, я только что это купил/-ла'.

- МАКЕДОНСКИЙ
(4) *sите овие книги ги има-м*
все эти книги их иметь-PRS.1SG
прочита-н-о
прочитать-PART.PASS-N.SG
'Я прочитал/-ла все эти книги'.

- АЛБАНСКИЙ
(5) *gjita këto libra i kam*
все эти книги их иметь.PRS.1SG
lexuar
прочитать.PART
'Я прочитал/-ла все эти книги'.

- АРУМЫНСКИЙ
(6) *tute aiste kërc l' em*
все эти книги их иметь.PRS.1SG
g'uvusi-t-ă
прочитать-PART.PASS-F.SG
'Я прочитал/-ла все эти книги.'

В македонском диалекте Преспы группу значений перфекта выражают формы *habere* и *esse*-перфекта. Тем не менее, часто при выражении значения экспериенциального перфекта (особенно при

глаголе ‘быть’ в значении ‘бывать’, см. примеры 7, 8, 9) македонский информант выбирает *л*-перфект славянского типа; при этом в албанском ему регулярно соответствует *habere*-перфект, а в арумынском — *habere*- или *esse*-перфект, в зависимости от переходности глагола.

МАКЕДОНСКИЙ

- (7) *da ja сум би-л таму*
 да я быть.PRS.1SG быть-PART.PST там
неколку пати
 несколько раз
 ‘Да, я был там несколько раз’.

АЛБАНСКИЙ

- (8) *po un kam qan atje*
 да я иметь.PRS.1SG быть.PART там
disa erë
 несколько раз
 ‘Да, я был/бывал там несколько раз’.

АРУМЫНСКИЙ

- (9) *da jo esku dus-ă*
 да я быть.PRS.1SG ехать-PART.PASS.F.SG
aklo multu or
 туда много раз
 ‘Да, я был/бывал там много раз.’

Формы *esse*-перфекта в арумынском и македонском при выражении активного значения изоморфны, но аллофункциональны *esse*-перфекту в албанском, который выражает только значение неактивного залога.

Формы, служащие для выражения эвиденциальных и миративных значений изофункциональны, но неизоморфны. В македонском диалекте они выражаются при помощи форм особой модальной парадигмы на базе *л*-перфекта. В арумынском и албанском языках в таких контекстах ей соответствует *habere*-перфект (албанский диалект Преспы утратил собственно албанское средство выражения адмиративного значения — адмиративное наклонение [Osmani 1996]); см. примеры 10, 11, 12, где выражается грамматическое значение адмиратива:

- МАКЕДОНСКИЙ
(10) *толку многу никогаш не сум*
столько много никогда не быть.PRS.1SG
прода-л-а
продать-PART.PST-F.SG
‘Так много я никогда не продавала!’
- АЛБАНСКИЙ
(11) *aq shumë asnjëherë nuk kam*
так много никогда не иметь.PRS.1SG
shitur
продать.PART
‘Так много я никогда не продавала!’
- АРУМЫНСКИЙ
(12) *ahāt multu pute n’ om*
так много никогда не иметь.PRS.1SG
vindu-t-ă
продать-PART.PASS-F.SG
‘Так много я никогда не продавала!’

Примером изоморфной, но аллофункциональной конструкции в изучаемых диалектах может считаться *esse*-перфект. Балканский *esse*-перфект — активная по значению конструкция в западных диалектах македонского языка и в арумьнских диалектах Македонии, изоморфная форме, выражающей значение пассивного результата. Состоит данная конструкция из полноспрягаемого глагола ‘быть’ и исторически пассивного причастия. В македонском и арумьнском данные формы изоморфны и изофункциональны. Соответствующая им изоморфная форма в албанском диалекте является аллофункциональной и выражает значения неактивного залога, как в литературном албанском языке.

Отступления от изоморфизма, как и следовало ожидать, появляются там, где языковые системы демонстрируют наиболее глубокие формальные несоответствия, восходящие к доконтактному периоду: так, большинство случаев «не-изоморфизма» возникают при выражении модальных значений, где в македонском диалекте используется *л*-перфект (обще)славянского типа. Славянское действительное причастие прошедшего времени на **-lъ* считается одним из антидонационных элементов, то есть одним из

тех языковых явлений, которые при балканской языковой конвергенции «не выходят за пределы исходного языка» и максимально трудно калькируются и заимствуются [Соболев 2011: 191]. Структурно изоморфные глагольные формы (то есть все формы кроме *л*-перфекта) в целом изофункциональны в преспанских диалектах. Исключением является форма *esse*-перфекта в албанском, которая употребляется только в возвратном и пассивном значении, в то время как в македонском благодаря утрате залогового значения славянским причастием на *-и/-т* (возможно, произошедшей в результате калькирования соответствующей арумынской конструкции), появился *esse*-перфект в активном значении.

Можно заключить, что процесс балканизации, т. е. конвергентного развития неблизкородственных языков Балканского полуострова, совершается на микроуровне диалектного контакта, более того — на уровне контакта двух или более диалектов в сознании мультилингвального *homo balcanicus*.

3. Южнославянские диалекты в роли адстрата. Реконструкция ситуаций Средних веков. Свидетельства современных диалектов. Цакония¹¹

3.1. Цаконский диалект

Полуостров Пелопоннес в Греции представляет собой интереснейшую контактную зону (см., напр., [Λιόσης 2007]). Благодаря Константину Багрянородному («Об управлении империей» 221, 434) и другим источникам [Charanis 1972] известно, что уже в X в. там присутствовали славяне. Также известно, что деспот Мореи Феодор I Палеолог (1383–1407 гг.) поощрял расселение албанцев по полуострову [Кисилиер 2014: 287]. Тем не менее в эллинистике широко распространено мнение, что не все греческие диалекты Пелопоннеса контактировали с другими языками или даже другими греческими диалектами. Так, изолированным принято считать цаконский, один из самых необычных новогреческих диалектов. Традиционно его напрямую возводят к лаконскому варианту дорийского диалекта древнегреческого языка, утверждая, что цаконский избежал влияния со стороны эллинистического койне [Κωντοσόπουλος 2010: 191], и этим объясняя значительное количество представленных в нем

¹¹ Автор раздела М. Л. Кисилиер.

архаических черт [Tzitzilis 2013] и его яркие фонетические особенности [Deffner 1881; Χαραλαμπόπουλος 1980]¹².

Сейчас на цаконском говорят в ряде населенных пунктов округа Южная Кинурия (столица — г. Леонидион). Количество носителей в точности неизвестно — приводимые в научной литературе данные колеблются между 200 [Salminen 2007: 271–272] и 8000 человек [Κωντοσόπουλος 2001: 3]¹³ — и все они билингвы. Доминирующим языком является стандартный новогреческий. Обнаружить билингвов, для которых L1 или L2 оказывался бы какой-либо другой балканский язык, не удалось. В цаконском принято выделять два субдиалекта — южнопелопоннесский (Леонидион, Васкина, Мелана, Прагматевтис, Сапунакейка, Тирос, Агиос Андреас/Прастос)¹⁴ и северопелопоннесский (Кастаница и Ситена).¹⁵ Имеющиеся в нашем распоряжении полевые материалы по фонетике (ср. [Кисилиер 2017: 125–133]) и морфологии [Fedchenko 2013; Κισιλιέρ, Μερτύρης 2018] позволяют постулировать наличие собственного субдиалекта практически у каждого цаконского села.

Современная Цакония со всех сторон огорожена горами (Тайгет), и дорога по суше появилась только около 1960 г. Тем не менее, согласно «Морейской хронике» (XIV в.), границы Цаконии доходили до местечка Гераки в Лаконии, расположенного в 39 км к юго-востоку от Спарты [Кисилиер 2014: 287 и сл.]. Это косвенно

¹² Здесь неуместно обсуждать целесообразность и обоснованность подобного подхода, и более релевантным станет поиск следов возможных контактов цаконского диалекта с другими балканскими языками и, прежде всего, со славянскими.

¹³ Наблюдения, сделанные в ходе экспедиций 2010–2017 гг., позволяют усомниться и в первом, и во втором. Скорее всего, следует говорить о 1500–2000 говорящих. ЮНЕСКО включила цаконский в список языков, находящихся под угрозой исчезновения (<http://www.endangeredlanguages.com/lang/tsd>, дата обращения: 17.05.2018).

¹⁴ Жители древней столицы Цаконии, г. Прастос, проводят холодную часть года в Агиос Андреасе.

¹⁵ Последний по ряду фонетических признаков ближе к стандартному новогреческому. До середины XX в. существовал также т. н. пропонтийский вариант цаконского, отделившийся еще в XVII в. В результате длительных контактов с греческими диалектами Малой Азии и турецким пропонтийским субдиалект довольно сильно отличается от прочих вариантов цаконского [Melissaropoulou, In progress].

подтверждается и сообщениями информантов о том, что у некоторых из них есть родственники в Гераки (семья бабушки или прабабушки), которых они сами, впрочем, никогда не видели. Интересно, что постройки в Гераки сильно отличаются от домов в прочих лаконских селах и очень похожи на цаконскую архитектуру.

Многие информанты старшего поколения из Васкины рассказывают, что на зимнее время они перегоняли скот в Лаконию, арендуя там загоны и пастбища, причем одни и те же, в течение долгих поколений. Показательно, что в Лаконии цаконские пастухи жили не кучно, а среди местного населения. Жители приморских поселений (например, Тироса и Меланы) активно занимались торговлей и мореходством. Таким образом, общепринятое представление о закрытости цаконцев до 1960 г. и об их монолингвальности не соответствует действительности. Более того, некоторые фонетические изменения, по-видимому начавшиеся еще несколько столетий назад, можно объяснить только языковыми контактами. Так, в частности, еще Деффнер [Deffner 1881: 111] отмечает, что женщины, в отличие от мужчин, произносят /r³i/ или даже /zi/ вместо /ri/. Данная ситуация сохранилась на протяжении всего XX в. [Χαραλαμπίδουλος 1980: 35–40], и до сих пор в речи многих информанток старше 70 л. употребляются /r³i/ и /zi/ [Кисилиер, Федченко 2011: 263–265]. Очевидно, что женский произносительный вариант архаичнее, а мужской /ri/ является инновацией, скорее всего потому, что мужчины активнее, чем женщины, общались с нецаконцами и чаще выезжали из Цаконии¹⁶.

¹⁶ Можно предположить, что /r³i/ и /zi/ были в цаконском не изначально, а также появились в результате языковых контактов. На это, в частности, указывает тот факт, что, как показали полевые исследования 2010–2017 гг., /r³i/ и /zi/ фиксируются в речи женщин старшего поколения не повсеместно, а лишь в определенных населенных пунктах: прежде всего, в Тиросе и Агиос Андреасе/Прастосе [Fedchenko 2013: 80], население которых активно занималось торговлей и контактировало с носителями других диалектов и языков. Примеры из «Словаря» Фанасиса Костакиса [Κωστάκης 1986a; 1986b; 1987], собиравшиеся еще с 1930х гг., косвенно свидетельствуют о том, что наблюдаемая сегодня дистрибуция в употреблении /r³i/ (/zi/) и /ri/ — не инновация. Она была характерна для цаконского, по крайней мере, еще в первую половину XX в.

3.2. Косвенные данные о языковых контактах

Поскольку на доступном для непосредственного исследования этапе развития цаконский диалект не находится в ситуации контакта с другими языками (за исключением стандартного новогреческого), крайне важными представляются разнообразные косвенные данные. В первую очередь это местные топонимы. Большинство из них однозначно этимологизируются как греческие: Прагматевтис < греч. πράγμα ‘дело’, Мелана < д.греч. μέλας ‘черный’ и проч. Не исключено, что некоторые из них, например, Агиос Андреас, были переименованы в XIX или начале XX в.,¹⁷ однако имеющиеся в нашем распоряжении карты либо уже современные, либо слишком крупные, и на них в лучшем случае отмечены лишь Леонидион и Прастос.

Тем не менее можно указать на некоторые интересные топонимы. Например, местечко за высохшим руслом ручья называется Заріци (*Zarítsi* < Заречье). Другие топонимы славянского происхождения — Ситена (*Σίταινα*) [*Ἀνωακάτου, Μαύρος* 1980: 47] и Кастаница (*Καστάνιτσα*). Вероятно, славянскими являются топонимы Занголи (*Ζάγγολη*, т. е. ‘за голым местом’) [*Ἀνωακάτου, Μαύρος* 1980: 47] и приведенные Сотирисом Лисикатосом [*Λυσικάτος* 1980: 182, 183] названия болотистой местности *múzga*, холма *serbetsía* и местечка с огородами (между холмами) *soxá*.¹⁸ Удалось также обнаружить и один, по-видимому, албанский топоним — гору Малевó < алб. *mal*, *-i* ‘гора’¹⁹.

3.3. Лексические данные

Хотя многие исследователи говорят о замкнутости цаконского и исключают возможность любого иноязычного, в частности

¹⁷ Агиос Андреас прежде по-цаконски назывался *jalé* < греч. γιάλος ‘морской берег, пляж’.

¹⁸ Следует признать, что греческие исследователи не согласны со славянской этимологией многих местных топонимов [*Βαγενῆς* 1974].

¹⁹ Во время последней экспедиции в Цаконию в июне 2017 г. было начато исследование цаконских фамилий и генеалогии цаконских семей. О результатах пока говорить рано, но одна из фамилий — Вламис — оказалась, несомненно, албанского происхождения < алб. *vëllam*, *-i* ‘побратим’.

славянского, влияния [Σαρρῆς 1956: 27], изучение цаконской лексики явно свидетельствует об обратном. В диалекте обнаруживаются пласты итальянской, в т. ч. и венецианской, албанской, арумьнской, дакорумьнской и славянской лексики. Заимствованная лексика по большей части имеет субдиалектную дистрибуцию²⁰ и редко пересекается тематически, например: лексика венецианского происхождения в первую очередь связана с морской терминологией, а балканские заимствования (славянские, албанские и арумьские) в основном имеют отношение к животноводству и сельскому хозяйству [Кисилиер 2017].

Славянская лексика представлена в цаконском очень широко. Ее можно условно разделить на следующие тематические группы:

а) Животноводство: *bélo/béla* ‘баран / овца белого цвета’, ср.: праслав. *běľь(jь)* ‘белый’ [Трубачев 1975: 79–81]; *rogát/[i?]* ‘некастрированный козел/баран’, ср. болг. *рогач*; *karíta/karíta* ‘корыто для поения скота’, ср. болг. *корито* [Трубачев 1984: 121–126; МДАБЯ 2009].

б) Полеводство: *yradžína* ‘бутылочная тыква’, ср. болг. *кратуна* ‘тыква’; *kósa* ‘коса’, ср. болг. *коса* [Трубачев 1984: 133–135]; *bíxo* ‘пыль; очень высокая солома’, ср. болг. *пух*.

Иногда лексика славянского происхождения связана с семьей, традициями, чертами характера, пищей и явлениями природы: *zakóni* ‘обычай, привычка’, ср. макед. *закон*; *dóbre* ‘прямой, искренний’, ср. болг. *добър* ‘добрый’; *xuméli* ‘очень сладкое’, ср. болг. *хмел* ‘хмель’; *zúbere* ‘волк; привидение’, ср. болг. *зубър* ‘зубр, бизон’.

Не стоит однозначно утверждать, что все цаконские лексемы славянского происхождения попали в диалект именно из славянских языков, а не посредством какого-либо иного балканского языка. Продемонстрировать это можно на следующем примере: лексема *sívo* ‘светлое животное с черными прядями’ очевидно славянского происхождения, ср. серб./болг. *сив* ‘серый, сивый’, но у нее, как показано в [Домосилецкая 2002: 449], имеются албанские, арумьские и мегленорумьские параллели, поэтому нельзя быть

²⁰ Лексика итальянского и венецианского происхождения в большей степени представлена в приморских субдиалектах, а также в Прастосе, бывшем в свое время богатым купеческим городом.

уверенным, что в цаконский она попала именно из славянских языков. Более того, лексема могла проникнуть в цаконский и из северногреческих диалектов, ср. фесс. *síva* ‘коза или другое животное пепельного цвета’.

3.4. Цаконский и языковые контакты: предварительные выводы

Рассмотрение цаконского диалекта с точки зрения лингвистической контактологии довольно нетипично для новогреческой диалектологии, поскольку в обозримой истории он не находился в ситуации прямого языкового контакта, в отличие, например, от грико в Италии или греческих диалектов в Албании. Тем не менее подобный подход позволяет лучше представить себе, с одной стороны, историческое развитие цаконского диалекта, а с другой стороны, — языковую ситуацию в средневековом Пелопоннесе. Очевидно, что цаконцы прямо или косвенно контактировали с носителями разных балканских языков, в т. ч. и славянских. Не исключено даже, что некоторые жители региона были двуязычны, причем необязательно именно цаконский был L1, однако очевидно, что билингвизм не был распространен повсеместно, и, вероятно, на каком-то этапе цаконский превратился в *lingua franca* данного региона, постепенно вытесняя прочие языки.

4. Свидетельства памятников письменности. Крк²¹

4.1. Языковой ландшафт Далмации

Языковой ландшафт Далмации эпохи Средних веков и Раннего Нового времени характеризовался сложностью и разнообразием. Далматинское многоязычие складывалось за счет сосуществования на одной территории славянских (чакавских и штокавских) и романских (далматинских, итальянских и балканороманских) диалектов и письменных языков (латинского, венецианского, литературного итальянского (тосканского), церковнославянского и хорватского чакавского и чакавско-церковнославянского)²². При

²¹ Автор раздела В. В. Козак.

²² Некоторые памятники характеризуются смешением черт чакавских диалектов и церковнославянского языка. Язык таких памятников

этом перечисленные языки и диалекты имели разный статус и функции. К XVI в. славянские чакавские и романские далматинские диалекты использовались в быту, венецианский был престижным койне торговли, местной администрации и власти, а языками церкви и высокой культуры служили латинский, тосканский, церковнославянский и чакавский [Spicijarić Paškvan 2014: 78]. Таким образом, славянские и романские языки и диалекты (а также латынь) существовали параллельно, выполняя одни и те же функции. При этом латинско-романский языковой континуум преобладал в городских, а славянский — в сельских общинах²³. Письменная культура во многих регионах характеризовалась латинско-глаголической диграфией.

Важно отметить, что многоязычные сообщества Далмации указанного периода оставили по себе лишь ограниченные языковые данные, поэтому изучение процессов и механизмов взаимодействия языков и культур в этом случае должно осуществляться путем реконструкции с применением комплекса методов. В нашем исследовании славяно-романский языковой контакт в Далмации рассматривается сквозь призму этимологического, семантического, грамматического и квантитативного анализа апеллятивной лексики важнейших славянских глаголических памятников острова Крк: надписей²⁴ и Устава Врбника²⁵.

Выбор глаголических памятников острова Крк в качестве источников материала обусловлен уникальным культурно-историческим контекстом, включающим наличие далматинского субстрата; богатейшую письменную (в первую очередь глаголическую) традицию; политическое господство Венеции; разнообразие занятий местного населения; культурную, политическую и социальную противопоставленность романского города и славянского села; культурное, политическое, экономическое и социальное влияния

исследователи рассматривают как особый идиом — чакавско-церковнославянский гибрид (ср. хорв. термин *amalgam* ‘сплав’; подробнее см. в [Mihaljević 2011]).

²³ Это противопоставление прослеживается в памятниках письменности и топонимике [Skok 1950; Bolonić 1966: 122].

²⁴ По изданиям Б. Фучича [Fučić 1971; 1982; 1988].

²⁵ По изданиям Л. Маргетича и П. Стрчича [Margetić, Strčić 1988; Margetić 2012].

церкви; общинную организацию и существование многочисленных церковно-приходских братств²⁶. Наличие этих факторов дает возможность рассматривать культуру острова Крк как репрезентанта культуры всей Северной и Центральной Далмации, а детальный анализ славяно-романских языковых контактов на острове Крк — как ключ к пониманию процессов и механизмов славяно-романских языковых контактов всего истрийско-далматинского региона.

4.2. Глаголические надписи Крка

В глаголических надписях острова Крк в общей сложности было обнаружено 45 заимствованных лексем. Все они принадлежат к романизмам²⁷. Романизмы в семантических полях религиозных терминов (*amenъ* ‘аминь’, *apostolъ* ‘апостол’, *biskupъ* ‘епископ’, *dominъ* ‘священник’, *kapela* ‘часовня’, *kapelanъ* ‘капеллан, помощник приходского священника’, *klerъ* ‘клир’, *olei* ‘елей’, *oltarъ* ‘алтарь’, *opatъ* ‘аббат’, *prъvadvъ* ‘священник или диакон’, *žakanъ* ‘диакон’), названий месяцев, архитектурных элементов (*ponestra* ‘окно’) и волеизъявления (*urdinъ* ‘приказ’) связаны с латинско-романским субстратом²⁸. Они составляют 53% всех заимствований. Прочие романизмы, связанные с итальянско-венецианским суперстратом и латинским языком официальной письменности составляют 47% всех заимствований и относятся к семантическим полям строительства (*fabrika* ‘дело, предприятие’, *fondamentъ* ‘фундамент’, *meštarsъ* ‘мастер’), социальной организации (*dotati* ‘делать пожертвование, содержать (церковь)’, *(e)redъ* ‘наследник’, *ereditadvъ* ‘наследство’, *guveranъ* ‘власть’, *guvernati* ‘управлять’, *ištrumenatъ* ‘официальный документ’, *madrigula* ‘устав’, *prokuraturъ* ‘чиновник, заведующий хозяйственными вопросами (в капитуле или братстве)’) и церкви (*ankuniê* ‘алтарное изображение’, *fra* ‘брат (монах)’, *gvardiêнь* ‘гвардиан (должность в Ордене францисканцев)’).

²⁶ Подробнее о культурно-историческом контексте см. в [Strčić 1988].

²⁷ Романизм — лексическое заимствование из латинского и романских языков [Galović 2013: 159].

²⁸ Такие романизмы противопоставляются более поздним заимствованиям из итальянских диалектов и на этом основании называются «старшими». Заимствования же из итальянских диалектов — «младшими» [Galović 2013: 160].

kapitulъ ‘капитул’, *kaštaldъ* ‘чиновник, заведующий хозяйственными вопросами (обычно в братстве)’, *kurato* ‘священник (по отношению к конкретному окормляемому приходу)’, *ministrъ* ‘министр (должность в Ордене францисканцев)’, *pre* ‘священник (обычно перед именем)’).

Семантическое распределение заимствований в наиболее крупных семантических полях²⁹ апеллятивной лексики глаголических надписей представлено в следующей таблице.

Таблица 1. Семантическое распределение заимствований в семантических полях апеллятивной лексики глаголических надписей

	Всего лексем	Из них заимствований	% заимствований
Время	17	9	53%
Верования, религия	44	21	48%
Государство	14	4	29%
Жилище, дом	14	3	21%
Структура общества	11	2	18%
Воля	20	3	15%
Среднее значение			31%

Всего апеллятивная лексика глаголических надписей насчитывает 135 словоупотреблений заимствованных лексем, что составляет примерно 14% всех словоупотреблений этих памятников (около 1000).

4.3. Устав Врбника

В глаголической части Устава Врбника обнаружено 101 заимствование. Из них подавляющее большинство (91 лексема, т. е. 90%) также составляют романизмы. Старшие романизмы отмечены в семантических полях названий морских животных (*gara*, *ligънь*, *menula*, *oliga*, *sipa*), продуктов питания (*ulbe* ‘масло’), месяцев, терминов сельского хозяйства (*mošunъ* ‘загон’ и *onukle* ‘годовалый детеныш домашнего скота’), церкви (*amenъ*, *opatъ*,

²⁹ Апеллятивная лексика глаголических памятников была распределена между семантическими полями на основании понятийной классификации Халлига и Вартбурга [Hallig, Wartburg 1963].

opatiê ‘аббатство’, *plovany* ‘главный приходской священник’, *pryvady* и *žakanь*) и государства (*kaštelь* ‘община (административная единица)’). Они составляют 26% всех романизмов (24% заимствований). Младшие романизмы были в основном отмечены среди терминологии социальной организации (*apelaciûny* ‘апелляционная жалоба’, *apelati* ‘подавать апелляционную жалобу’, *banžani* ‘преступник’, *berlina* ‘колодки’, *busovičь* ‘глашатай’, *civilь* ‘гражданское лицо, подданный’, *denunciê* ‘донос’, *denunciêti* ‘доносить’, *faly* ‘обман’, *fruštati* ‘бичевать’, *kancilarь* ‘канцлер’, *karmenaly* ‘преступление’, *kasati* ‘отстранить’, *kaštigati* ‘наказывать’, *komunski* ‘общественный’, *komuny* ‘общественная трудовая повинность’, *liganca* ‘обязанность, повинность’, *notary* ‘писарь, секретарь’, *oficiê/oficii* ‘служба (вообще или служебное помещение)’, *oficiêly* ‘служащий’, *pena* ‘штраф’, *placa* ‘площадь’, *provati* ‘доказывать’, *providury* ‘проведитор (венецианский чиновник)’, *pržuny* ‘тюрьма’, *publikati* ‘обнародовать, опубликовать’, *sentenciê* ‘вердикт’, *sentenciivati* ‘вынести вердикт’, *zaminati* ‘допрашивать’), коммуникации и делопроизводства (*bergamina* ‘пергамент’, *bumbažiny* ‘бумага’, *kapitulь* ‘глава’, *prezentati* ‘представлять’, *škuriti* ‘утратить силу, быть отмененным (о документе, праве и т. п.)’, *štaturь* ‘статут’, *vizitanie* ‘визитация (ревизия и инспекция имущества)’), денежных единиц (*bagatiny*, *bečь*, *dukatь*, *libra*, *soldiny*, *vrnizь*), собственности (*intrada* ‘доход’, *tištamentь* ‘завещание’), волеизъявления (*kuntentati* ‘согласиться’, *termenivati/terminati* ‘постановить’) и некоторые др. Они составляют 74% всех романизмов (66% заимствований).

В небольшом количестве (7 лексем, или 7% заимствований) в тексте Устава встречаются грецизмы (*drьmuny* ‘лес (в частном владении)’, *goliê* ‘крупное судно’, *ingariê* ‘барщина’, *komarda* ‘амбар’, *harta* ‘бумага’, *harta* ‘игральная карта’ и *navkirь* ‘моряк’), попавшие в язык памятника или напрямую из греческого языка в период политического влияния Византии (до XII в.), или через латинско-романское посредничество. В единичном количестве были также отмечены германизмы (*škoda* ‘ущерб’, *permanь* ‘судебный служащий’) и, возможно, унгаризм (*birь* ‘налог, выплачиваемый священнику’).

Распределение заимствований в наиболее крупных семантических полях апеллятивной лексики Устава Врбника выглядит следующим образом.

Таблица 2. Распределение заимствований в семантических полях
апеллятивной лексики Устава Врбника

	Всего лексем	Из них заимствований	% заимствований
Коммерция и финансы	20	7	35%
Верования, религия	20	6	30%
Время	37	11	30%
Язык	28	8	29%
Государство	41	12	29%
Связи в обществе	11	3	27%
Судебная система	71	18	25%
Транспорт, передвижение	14	3	21%
Собственность	15	3	20%
Животные	41	6	15%
Число и количество	23	3	13%
Воля	81	8	10%
Занятия и профессии	12	1	8%
Жилище, дом	14	1	7%
Мораль	18	1	6%
Структура общества	19	1	5%
Сельское хозяйство, животноводство, садоводство	67	3	4%
Отношение, порядок, ценность	25	1	4%
Земля	12	0	0%
Движения и положения	43	0	0%
Мысль	16	0	0%
Пространство	22	0	0%
Среднее значение			14%

Всего апеллятивная лексика Устава Врбника насчитывает 358 словоупотреблений заимствованных лексем, что составляет примерно 7% всех словоупотреблений памятника (около 5265).

4.4. Результаты изменений в контакте и вопросы реконструкции языковой ситуации

Этимологический анализ апеллятивной лексики глаголических памятников острова Крк позволяет установить основной источник контактно обусловленных лексических инноваций — латинско-романский языковой континуум, включающий итальянско-венецианский суперстрат и латинско-далматинский субстрат. Влияние итальянско-венецианского суперстрата (младшие романизмы) в основном проявляется в терминологии функционирования социальных институтов (лексика финансов, канцелярского языка и деловой письменности, государства, общественных отношений, суда, собственности и нек. др.). Следовательно, естественно то, что именно этот компонент является основным в заимствованной лексике Устава Врбника. Латинско-далматинский слой (старшие романизмы), напротив, оставил след в терминологии религии, времени, названий морской фауны и сельского хозяйства. Он преобладает в языке надписей, большая часть которых сделана в память о строительстве храмов. Хронологически влияние латинско-далматинского субстрата является более древним и функционально может быть связано с культурными контактами автохтонного романского и пришлого славянского населения в самых разных ситуациях (рыболовство, строительство, сельское хозяйство, культ и организация календаря). Итальянско-венецианский слой исторически соотносится с борьбой Венеции за контроль над островом, увенчавшейся успехом во второй половине XV в. Будучи функционально связанными со сферой делового и административного языка, младшие заимствования занимают промежуточное положение между бытовой и высокой культурами. Основным мотивом заимствования в обоих случаях выступает потребность в соответствующей терминологии, отсутствующей в языке-реципиенте.

Благодаря терминологии религии и названиям месяцев, лексика глаголических надписей при сопоставлении со средним типологическим уровнем, представленным в [Tadmor 2009: 64], характеризуется достаточно высокой долей заимствований. При этом в остальных семантических полях преобладает исконная лексика, что особенно ярко проявляется в лексике Устава Врбника.

Таким образом, в целом язык изученных глаголических памятников на общетипологическом фоне устойчив к появлению лексических заимствований.

Все отмеченные заимствования (насколько позволяют судить засвидетельствованные в памятниках формы) являются грамматически адаптированными и демонстрируют ту же морфологическую дублетность, что и исконные лексемы. Отдельные слова имеют славянские словообразовательные элементы. Явления, которые могут быть признаны последствиями языкового сдвига у автохтонного романского населения (например, заимствование грамем, грамматических категорий или переключение кодов), отсутствуют. Таким образом, характер морфологической адаптации лексических заимствований характеризует славяно-романский контакт этой территории как сохранение языка с относительной языковой сепарацией [Русаков 2007: 80].

Суммировав все наблюдения, можно выдвинуть гипотезу, согласно которой, по данным изученных глаголических памятников, для славяно-романского языкового контакта острова Крк характерны отношения языковой **сепарации**. Так как проанализированная лексика в основной массе не является специфически кркской (о чем свидетельствуют данные словарей, прежде всего — [ERHSJ 1971–1973]), настоящие выводы могут быть спроецированы на всю Северную и Центральную Далмацию. Уточнение и коррекция полученных выводов будут возможны по мере привлечения к анализу других памятников острова Крк (не только славянских, но и латинских и романских) с перспективой составления соответствующего корпуса текстов.

5. Непосредственное наблюдение в XXI в. Сепарация. Голо Бордо³⁰

На востоке Албании, в изолированном горном районе **Голо Бордо / Голоборда** (алб. *Gollobordë*), расположенном непосредственно на границе с Республикой Македонией в трансграничном регионе Дибра/Дебар, в соседстве с албанским населением в течение многих веков проживает порядка нескольких тысяч

³⁰ Автор раздела А. Н. Соболев. В разделе использован материал монографии [Соболев, Новик 2013] и наблюдения в статье [Sobolev 2018].

славян-мусульман (экзоним *торбеши*) и немногим более десятка славян — православных христиан. В научной литературе их называли и *сербам*, и *болгарами*, а после 1945 г. и *македонцами*³¹. Эта группа славян не обладала в прошлом и не обладает в современной Албании правами национального меньшинства, их язык не имеет никакого официального статуса, энциклопедическая албанская литература не упоминает об их существовании [Lafe, et al. 2008].

Несмотря на то, что уже в конце XIX в. язык славян Голо Бордо попал в поле зрения Ватрослава Облака [Oblak 1896], а в XX и XXI вв. регулярно появлялись ценные публикации о македонском и албанском говоре региона [Видоески 1999; Asenova 2001 [2016]; Ристески 2006; Ylli, Steinke 2008; Юллы, Соболев 2003; Besi 2007; Gjinari, et al. 2007–2008], балканисты лишь недавно осуществили первый синтез знаний о местном языковом и культурном взаимодействии, опирающийся на исследования по каждой из населяющих регион групп [Соболев, Новик 2013]. Сведения о границах территории, названной в османском дефтере 1467 г. *Vilayet — I Dolgo Brdo* [Pulaha 1968], о ее членении на Нижнее и Верхнее Голо Бордо (*Памна гора* и *Планина*), о разграничении с соседними албанскими и македонскими микрорегионами³², как и достоверные результаты детального антропогеографического исследования в рамках методологии Йована Цвийича опубликованы

³¹ Анализ турецких кадастровых и налоговых переписей (*tahrir defterleri*) показывает, что в XV в. в многочисленных селах региона по соседству жили люди с албанскими и славянскими (болгарскими и сербскими) именами: *Pop Gjergj, Gon Sope; Dapče Petkov, Stepko Petković* (см. [Schmitt 2009]). Бытует мнение, что современные македонцы-*мияки* являются славизированными романцами [Papaahagi 1974: 796]. Наряду с вековым этнолингвистическим разнообразием региона среди его особенностей следует отметить, что сосуществование на ограниченной территории двух мировых религий приводит к удивительному синкретизму в плане верований и отправлений культов. Верно наблюдение: «Каждый здесь имеет очень ясное представление о своем родном языке, о профессиональной принадлежности и этнической идентичности, но это не приводит к напряженности во взаимоотношениях» [Ylli, Steinke 2008: 24].

³² Соответственно *Çermenika, Martanesh, Gryka e Madhe, Gryka e Vogël*, Дебарска Жупа и Дебарски Дримкол.

в [Филиповић 1940]. В настоящее время носители местного диалекта македонского языка проживают в 15 селах³³, из которых для исследования было избрано мусульманское с. Требишта (алб. *Trebisht*)³⁴. Здесь бытует обусловленный вероисповеданием эндоним *турци* ‘турки’ и лингвонимы *туристината наша* ‘наш турецкий язык’ и *наш јозик* ‘наш язык’.

Параметры ситуации языкового контакта, включая власть, престиж и широту охвата [Michaelis, Haspelmath 2014; Конёр 2015], в регионе следующие. Местный диалект македонского языка (L1), который не «перекрыт» никакой из современных южнославянских норм, взаимодействует со стандартным албанским языком (L2) с ограничениями, касающимися половозрастных групп (албанским не владеют пожилые женщины и дети дошкольного возраста). Абсолютное большинство славян Голо Бордо активно владеет преподаваемым в школе государственным албанским языком (это язык современного государства, престижный язык религии и престижный эмблематический язык), причем речь не идет о среднегегском диалекте этого языка в том виде, в каком мы находим его у окружающего албаноязычного населения. В отличие от албанцев, обладающих в стране властью (*powerful group*), славяне ее не имеют (*powerless*). Албанский является языком широкого общения в макрорегионе, тогда как македонский — только в Голо Бордо и только наряду с албанским. Диалект македонского языка, используемый здесь в бытовом общении, полностью витален, его носители обладают в нем полной компетенцией. В редких смешанных

³³ Официально признаны только албанские названия — *Gjinovec, Klenja, Kojavec, Lejçan, Lladomerica, Orzhanova, Ostreni i Madh, Ostreni i Vogël, Pasinka, Radovesh, Stebleva, Trebisht, Tuçep, Vërnica* и *Sebisht*; в македонском говоре региона используются, как и следует ожидать, славянские топонимы.

³⁴ Ныне полностью мусульманское село; насчитывает примерно 1000 жителей, но всего около 150 домов. Расположено на высоте 800 м над уровнем моря, а принадлежащие его жителям альпийские луга находятся на высоте до 1500 м. Центр коммуны, в котором есть 9-летняя школа. Основные занятия населения — отхожий, в основном строительный, промысел в Албании, Греции и Македонии, также земледелие, крупное и мелкое животноводство, мельницы, мелкая торговля и услуги. В Требишта практиковалась внутрисельская эндогамия.

браках партнер, не говоривший ранее по-славянски, быстро интегрируется в славяноязычную среду. Македонский диалект является местным малым языком (*indigenous minor language*), используемым в быту, в семье и в общении с непосредственными соседями. Мы имеем дело с двуязычием миноритарной группы, где социально доминирующий официальный язык страны обладает престижем власти, а язык меньшинства доминирует в языковой компетенции говорящих (ср. [van Coetsem 1988]).

Описанные социальные условия контакта можно соотнести с фактами языка и речевого поведения славян Голо Бордо, подвергнув лингвистическому анализу аутентичные диалектные тексты объемов в 9500 словоформ [Соболев, Новик 2013: 182–216]. Обнаруживается, что в фонетике и фонологии нет никаких существенных следов какого бы то ни было прямого албанского влияния на генетически славянскую языковую материю. Заимствования фонетической субстанции происходят только при заимствовании албанских лексических единиц. Следовательно, в македонском L1 не происходит языковых изменений, которые были бы вызваны контактом с албанским как L2. Оказионально можно услышать смещенный в артикуляции назад [ɸ] и лабиализованный [y] в словах, которые полностью идентичны албанским вследствие их общебалканского характера или заимствования из одного и того же источника (как, напр., турецкий); их морфонология при этом славянская. Сюда же можно отнести оноματοпеи и фонетически девиантные междометия: [ɸ] *n'v:na* ‘мать’ (*n'v:na m'oja 'imat k'azveno* ‘моя мать говорила’), обычно [n'ana] или [n'əna]; *hw!* ‘да!'; [y] *b'yrẽtsi_{PL}* ‘выпечка из слоеного теста’ (*i te go rab'otaet t'amo za b'yrẽtsi pr'aet* ‘и они перерабатывают его там, чтобы делать *b'yrẽtsi*’), обычно [b'urek]; оноματοпея *pr:y!*

Согласные, чуждые македонской фонетике и фонологии (/θ/, /ð/, /ʎ/, /l/), встречаются лишь в двух случаях:

- в албанских заимствованиях, часто морфологически интегрированных, — /θ/, /ð/, /ʎ/, /l/: *djaθ* ‘творог’ (*a be s'ega pospr'avjime m'alo djaθ* ‘а теперь сделаем немного творога’, ср. славянскую лексику *s'iren'e* ‘творог’); *nd'od-e* происходить-AOR.3SG (*'ak'i i 'ak'i mi nd'ode* ‘то-то и то-то произошло со мной’); включая периферийные случаи вроде обращений: /ʎ *ft'oprajf*, *o pɫ'ak'e!* ‘как дела, старуха!’ и личных имен: /l/

Pəl'umb (ср. македонизированный вариант *P'olum*), дословно ‘голубь’; *Dalend'ifa*, дословно ‘ласточка’;

- в переключениях кода на албанский — /θ/, /ð/, /ʎ/: *futləf si e θ'ueti mak'edon'i'ift?* ‘*oris me tə 'ambəl?* ‘как мы называем *futləf* по-македонски, рис со сладким?’; — *o v'erdiija!* — *urðər'o!* ‘эй, Верди! — что?’, дословно ‘приказывай!’).

Переключения кода с македонского (L1) на албанский (L2) вызваны прагматическими или особыми коммуникативными потребностями, и ни одно не остается немотивированным. Компетенция в албанском L2 полна. Фонетика переключений на албанский и заимствований из албанского частично гегская (*'ambəl* ‘сладкий’; *θ'ueti* ‘мы говорим’; *ðom-para'om* < алб. *dhomë parathomë* ‘комната’; *Dalend'ifa* имя собственное, дословно ‘ласточка’) и частично тоскская или стандартноалбанская (*tə b'əftə m'irə!* ‘приятного аппетита!’; *urðər'o* ‘приказывай!’; *'ambəl* ‘сладкий’), иногда с македонской акцентной ретракцией (*'oris* < алб. *or'iz* ‘рис’).

Прямое субстанциальное албанское влияние в грамматике практически отсутствует. В пример можно привести наречие *p'ara* ‘слишком’ (*n'e para kup'uaet* ‘(Они) не слишком (активно) покупают’), разделительный союз *'ose* ‘или’ (*i tēe pom'in'it od'ovde m'e'ifka, 'ose vālk* ‘И пройдет здесь медведь или волк’, утвердительную частицу *po* ‘да’ и отрицательную *nuk* ‘нет’ в прохибитиве: *ej, n'uk-ajte!* нет-IMPERAT.2PL, калькирующем албанское *mos-ni!* нет-IMPERAT.2PL. Изменения в грамматике македонского L1 вследствие контакта с албанским L2 сводятся лишь к заимствованию синсемантических лексических единиц.

Гибридные явления в македонском L1 исключительно редки и встречаются лишь в спонтанной речи, оставляя вопрос об их системном статусе в языке открытым. Приведем впечатляющий пример из короткого нарратива (информант 50-ти лет, 160 словоформ), демонстрирующего одновременную комплексную реализацию славянских, албанских и балканороманских, общебалканских и гибридных феноменов:

- (13) *...s'amo 'eno d'ete 'imal. <...> mu o d'ade t'ε dete i mu r'e'ifε, k'e'ij tēe se n'aprait dv'aeset g'odin'i, 'ovo'j tēe o pr'aif k'urban. i to'j ot'ide, k'u:rbān tēe o prait. 'ama to'j k'amberot naf, g'ospod za n'aize, za m'i'je n'e sme ft'asan'i da o f'atime, mu 'isfərlat pred*

nego ⟨...⟩ *'oven daf*. *d'eteto*, *v'eł'it*, *t'orn'i go*, *v'eł'it*, *ṭee o k'oł'if* *'oveno[ɫ]*, *d'afot*. *i s'ea d'afof* 'izleze za *k'urban*. *i s'ega sv'ekoј* *n'ekoј*, *nap'imer* 'ovie se *br'ai ft* 'imaet *p'o:ṭee*... *k'oł'et k'urban'i*, *i 'ovija k'urbanof* se *d'elvet s'ea po sirom'aite*. se *d'elvet po sirom'aite* *nap'imer* vo *s'elovo zn'aime m'ie* 'en'i *n'emaed br'ai*. a za *sv'ite* za *toj pr'azn'ik*... *t'oј veł'fer* za da 'imaed *m'eso*, *i toј ṭee* im *p'odel'it*. ⟨...⟩ 'eden *pjes* go *z'evaz za*: *s'ebe*, 'ovijat *fto k'oł'it k'urbanof*. a tri *pi'esoј dr'ug'i* *p'odel'vet* po *sirom'aјi*. *b'es pari*, go *d'avat t'a:ka*. *i za toј k'urbanot* *t'oa i'esti s'ea*. ⟨...⟩ *ja n'emam k'oł'eno*. a *toj b'abo* 'imat *k'oł'eno*, 'imat *d'eł'veno na d'eł'i*. *'ima 'imano br'avi p'orano toј*.

Текст демонстрирует целый набор славянских явлений, которые не утрачиваются балканославянскими языками и не заимствуются в неславянские балканские языки, несмотря на любую интенсивность языкового контакта, и которые мы называем *антибалканизмами* [Соболев 2011]. Это акцентные ретракции: *b'es=pari* 'без денег'; глагольный вид славянского типа, маркированный глагольным корнем: *f'atime* PF 'взять' vs. *z'evaf* IPF 'брать'; славянское причастие на *l* (и *l*-перфект): *'imal* 'иметь'. Ряд других явлений также четко отграничивает славянскую речь от албанской: элизии, толерирование групп гласных и контракции (*p'o:ṭee* < *p'oveṭee* 'больше'; *s'ea* 'сейчас'; *br'ai* ~ *br'avi* PL 'мелкий рогатый скот'); эмфатическая, нефонологизированная долгота (*k'u:rban* ~ *k'urban* 'кровная жертва', *sirom'aite*: ~ *sirom'aite* PL 'бедняки', *za*: ~ *za* 'для' (ср. с фонологически релевантной долготой в гегском албанском [Gjinari, et al. 2007–2008 I: 86]); отсутствие переключений кода на албанский L2.

Здесь же есть явления, восходящие к албанскому и балканороманскому структурному и лексическому влиянию и делающие грамматику и словарь говора более сложными и максимально аллоглоттическими в македонском диалектном континууме. Речь идет о постпозиции атрибута (*k'amberot naf* 'наш пророк'; *pi'esoј dr'ug'i* 'другие части'); *habere*-перфекте (*'ima 'imano* 'имел', см. [Makarova 2017]); *esse*-перфекте (*n'e sme ft'asan'i* 'мы не способны', ср. алб. *s'jemi arritur*); предложном прямом объекте (*'imat d'eł'veno na d'eł'i* '(Они) раздавали баранов'; лексических заимствованиях (*pjes* SG, *pi'esoј* PL 'часть' < алб. *pjes*).

Гибридные феномены, состоящие из славянской и албанской языковой субстанции, наблюдаемы в грамматике, лексике и фразеологии. Самой поразительной является форма *na d'efi* баран-ACC.PL. С лексикологической точки зрения это прямое материальное заимствование алб. *dash* [dɑʃ] 'баран', частично морфологически интегрированное (ср. *daf* SG.INDEF, *d'afof* ~ *d'afot* SG.DEF 'баран'). С точки зрения морфонологии, ожидалось бы формы мн. ч. **d'afovi* ~ **d'afoj*, подобно *pjes* SG, *pi'esoʝ* PL 'часть'. Однако говорящий использовал одновременно две модели с двумя субстанциями: общеалбанский механизм апофонии *a* ~ *e*, т. е. алб. *dash* ~ *desh*, полностью чуждый славянскому типу, и общеславянский маркер мн. ч. *-i*. Дополнение предлога *na* по балканороманской модели [Sobolev 2008], для обозначения прямого объекта, завершает экстраординарно редундантную комбинацию. Иные случаи гибридизации представлены в *ʃiz g'ozica* (ср. алб. *qish bythën* PRS.IND, *qifsh bythën* OPT 'pedicabo in asino') и в редупликациях '*oven daf* SG.INDEF 'баран', '*ovenot* [t] *d'afot* SG.DEF 'баран' (*mu 'isfərlat pred nego 'oven daf... tce o k'ol'if'ovenot* [t], *d'afot* 'бросает перед ним барана... ты заколешь барана'), которые можно интерпретировать как композит из славянского гиперонима и неславянского гипонима.

Можно заключить, что степень фонетической и грамматической адаптации албанских единиц в македонской спонтанной речи выбирается говорящим с большой свободой, но языкового изменения при этом не происходит, даже *in statu nascendi*. Нет сомнений в том, что двуязычные слушающие без труда декодируют все порождаемые говорящим гибридные формы, но можно быть уверенным в том, что их появление в речи македонского монолингва, а также их систематическое воспроизводство в одноязычном македонском сообществе невероятно. Можно также утверждать, что билингв из Голо Бордо пользуется двумя фонологиями и двумя грамматиками и что идиоглоттические правила фонологии и грамматики L2 применяются только к субстанции L2.

Регион Голо Бордо не являлся местом этнической, лингвистической и культурной конвергенции в прошлом и не является таковым в настоящем, поскольку албанцы и славяне, христиане и мусульмане региона представляют собой четко противопоставленные друг другу группы, находящиеся в отношениях сепарации.

Языковая конвергенция возможна в таких сообществах лишь в форме языкового сдвига, т. е. перехода массы славян на албанский язык, а этническая — в форме интеграции славян в доминирующую и более престижную группу, в албанский этнос. Основные факторы интеграции суть одна религия (суннитский ислам) и лояльность к социально доминирующему албанскому языку, к албанской культуре и государственности, а ее успех возможен при отказе от маркеров, воспринимаемых в Албании однозначно как «чужие», славянские. Дивергенция наблюдается между представителями разных конфессиональных групп и яснее всего проявляется в практически уже завершившейся эмиграции из региона православных христиан.

6. Славянский адстрат.

Лингвистическая экзогамия. Мрковичи и Горана³⁵

6.1. Область Мрко(е)вичи и село Веля-Горана

Краина Мрковичи (с.-х. *Mrkoviћи/Mrkovići* и *Mrkojeviћи/Mrkojevići*, алб. *Mërkot, -i*) расположена на юге Черногории между городами Баром и Улцинем³⁶. К западу от мрковичей лежат территории черногорских племен зупци и туджемили, а к востоку — албаноязычная область Ана-э-Малит (алб. *Ana e Malit*). Большая часть сел мрковичей находится на склонах горы Лисинь (с.-х. *Lisinj*) и у ее подножия, в так называемом «мрковском поле» (с.-х. *mrkovsko polje*)³⁷, тогда как села Веля-Горана, Пелинковичи,

³⁵ Автор раздела М. С. Морозова.

³⁶ На севере отроги Динарского нагорья, Румия (с.-х. *Rumiја/Rumija*) и Лисинь (*Лисинь/Lisinj*), отделяют ее от района Скадарска-Краина (*Скадарска Крајина / Skadarska Krajina*), а на юге горный хребет Можура (*Можура/Možura*) служит естественной границей с краиной Улциня, населенной преимущественно албанцами.

³⁷ Это села Добра-Вода, Дабезичи (помимо центрального поселения, включает в себя широко разбросанные кварталы, или *заселки* — от с.-х. *zaselak*, Дапчевичи и Мали-Калиман), Веле-Село (с заселком Луне), Грдовичи, Печурице (с заселком Равань), Лесковац и опустевшее ныне село Меджуреч (с.-х. *Dobra Voda, Dabezići, Dapčevići, Mali Kaliman, Velje Selo, Lunje, Grdovići, Pečurice, Ravanj, Ljeskovac, Međureč*). В стороне, на горе Румии (с.-х. *Rumiја*), расположены полузаброшенные села Мали и Вели-Микуличи (с.-х. *Mali Mikulići, Velji Mikulići*). Еще несколько сел —

Вукичи и Меджуреч расположены на своего рода «границе» с Ана-э-Малит. Жители Веля-Гораны, хотя и причисляют себя к сообществу (племени) мрковичей, предпочитают называть себя *goranci* ‘горанцы’ (*goranac* ‘горанец’, *goranka* ‘горанка’). Микроэтнонимами *mrko(je)vić* ‘мрко(е)вич’, *mrkovka* ‘мрковка’ они обозначают население сел мрковичей помимо Мала- и Веля-Гораны. По вероисповеданию большинство причисляющих себя к сообществу мрковичей — мусульмане-сунниты. Лишь несколько православных семей проживает в селе Добра-Вода (с.-х. *Dobra Voda / Dobra Voda*) [Соболев 2015; Морозова 2017]. Переход мрковичей в ислам произошел в XVII–XIX вв.: именно в этот период в селах крайны были построены мечети [Metanović 2012]. Тогда же была исламизирована значительная часть албаноязычного населения Улциня и его окрестностей, Краи и Ана-э-Малит.

Мрковичи впервые упоминаются в венецианских документах 1409 г. как *Li Marchoe*, племя между Баром и Улцинем; ср. также *de Marchois* (1449) и *Marcovichi* (1559) [Metanović 2012]. В османской переписи Скадарского санджака 1485 г. упомянуто село *Mërkojeviqi* в нахии *Mërkodlar*, состоящее из 140 домохозяйств. Судя по перечисленным в переписи именам глав семейств, проживающих в селе, в этот период его население было христианским. Преобладают славянские имена и прозвища, но есть и албанские: *Nuliçi, i biri i Bukmirit* ‘Нулич, сын Букмира’; *Dabza, i biri i Gjonit* ‘Дабза, сын Гьона’. Некоторые антропонимы албанского и славянского происхождения присоединяют албанский деминутивный суффикс *-za*, который встречается в топонимике и патронимах и в других районах славянско-албанских контактов в Черногории: *Lekëza* (от алб. *Lekë*); *Dab(o)za, Nikëza, Malëza, Miloza, Mladoza, Kalza* и др. [Pulaha 1974: 141–143; Пешикан 1981: 421–422]³⁸. Таким образом, по меньшей мере до XV в., сообщество мрковичей включало, помимо славянского, албанский элемент — подобно

Куне, Пелинковичи, Вукичи, Мала-Горана и Веля-Горана (с.-х. *Kunje, Pelinkovići, Vukići, Mala Gorana, Velja Gorana*) — находятся около горного хребта Можура (с.-х. *Možura*), в южной части крайны [Соболев 2015; Морозова 2017].

³⁸ Ср. современные патронимы *Dabezić, Kalezić* в селах Веле-Село и Дабезичи (с.-х. *Веље Село / Velje Selo, Дабезуһу / Dabezići, Nikezić* в Мала-Горане (с.-х. *Мала Горана / Mala Gorana*).

некоторым черногорским племенам региона Брда к северу от Подгорицы, например племени кучей [Ровинский 1897: 81–82; Ердельянович 1981: 67–170]. Изначальное наличие албанского элемента хорошо прослеживается в Веля-Горане, возникшей в результате сравнительно недавних миграций второй половины XIX — начала XX в. [Морозова, Русаков, в печати]. Так, часть современных жителей Веля-Гораны считает себя потомками Тахира (алб. *Tahir*) из села Миде (алб. *Millë*) в крае Ана-э-Малит: *iz m'idek smo im'ali dž'eda* ‘наш дед был из Миде’, *e k'ena f'isin f'jpt'ar* ‘наш род — албанский’.

С этнографической точки зрения интересны брачные стратегии мрковичей, которые сходны со стратегиями других этнически смешанных «племен», например кучей [Ровинский 1897: 239]. Наряду с браками внутри племени, мрковичи поддерживают брачные связи со славянским и албанским населением соседних краин [Дугушина, Морозова 2016]. Традиция жениться на албанках на протяжении последнего столетия была и остается характерной для таких сел, как Пелинковичи, Вукичи, Лесковац и Веля-Горана, и способствует сохранению в этих селах албанско-славянского билингвизма [Јовићевић 1922: 113; Вујовић 1965/2012: 20; Соболев 2015; Морозова 2017]. Села, поддерживающие брачные связи только с соседними славяноязычными регионами (например Добра-Вода), монолингвальны [Морозова 2017: 225].

6.2. Мрковичи и Веля-Горана в свете языковых контактов

В сербохорватской диалектологии говор мрковичей относят к зетско-ловченскому диалекту штокавского наречия [Ивић 1985]. Большую роль в развитии говора сыграл контакт с неславянскими языками: романскими, турецким, албанским [Вујовић 1965/2012; Curtis 2012]. Например, в фонетике, наряду с сербохорватскими латеральными аппроксимантами — апикальным зубно-альвеолярным /л/ и дорсальным палатальным /к/ [Simić, Ostojić 1996: 182–183], в говоре мрковичей, в т. ч. в славянских по происхождению лексемах, используются албанские апикальные альвеолярные латералы — веляризованный /л/ и невеляризованный /л/ [Memushaj 2011: 79–80]: *klôs* [kɫas] ‘колос’, *b'ivoł* [b'ivoɫ] ‘буйвол’, *m'ñti* [m'aɫti] ‘маленький’, *krâl* [kral] ‘король’, лит. с.-х. *krâlj* [kraɫ] [Вујовић 1965/2012: 99]. В морфонологии Л. Вујович отмечает регулярное оглушение звонких шумных согласных на конце слова, возникшее в говоре «под

албанским влиянием» [Вујовић 1965/2012: 140]: NOM *grad* [grat] ‘город’ — ACC *grada* [gr'ada], ср. алб. NOM.INDF *zog* [zok] ‘птица’ — NOM.DEF *zogu* [z'ogu]. Одной из ярких синтаксических инноваций, связанных с албанским влиянием, является конструкция с предлогом *ge* ‘в; к’ (от наречия *gë* ‘где; куда’, лит. с.-х. *gdė*), управляющим номинативом: *Sūlo e biō ge mi itros* ‘Суле был у нас утром’, *dōšla si ge dėvōjka* ‘Ты пришла к дочери’ [Вујовић 1965/2012: 207–208]³⁹.

В лексике говора мрковичей, по оценке Л. Вуйовича, отмечено «большое количество заимствований романского, албанского и особенно турецкого происхождения» (до 700–800 заимствованных лексем) [Вујовић 1965/2012: 291–294]. Заимствования относятся к разным лексико-семантическим группам и в большинстве случаев не замещают исконную лексику, а употребляются наряду со славянскими лексемами с аналогичным значением: *đet* (с.-х. *ded/đed*) / *đuš* (алб. *gjysh*) ‘дед’; *ujak* (с.-х. *ujak*) / *dajo* (тур. *dayı*) ‘дядя по матери’; *pus* (алб. *pus*) / *bisternja* (итал. *cistern*) / *kuj* (тур. *kuyu*) / *aus* (тур. *havuz*) / *sarandža* (тур. *sarnıç*, ACC *sarnıcı*) ‘резервуар для воды’. К числу лексем, которые могут быть отнесены к культурной лексике и не имеют славянских соответствий, относятся наименования элементов мусульманского женского костюма, ставшего распространенным у мрковичей после их исламизации и выполнявшего функции праздничного одеяния: *džamadan* ‘жилет’, от тур. *camedan*; (*pas*) *trbulus* ‘шелковый пояс’, ср. араб. *Ṭarābulus* и тур. *Trablus* ‘Триполи’ [Novik, Sobolev 2016: 22]. Некоторые албанские заимствования чаще встречаются в билингвальной Веля-Горане, чем в монолингвальных селах: *kaprcol* ‘лестница, перекладина’, от алб. *kapërcell*; наряду с *preslo* (с.-х. *preslo*), *skala* (итал. *scala*) в других селах); *mulatarti* ‘помидор’, от алб. гег. *mollatart*, DEF *mollatarti* < итал. *pomodoro* (в других селах: *paradajz* (с.-х. *paradajz*, от нем. (австр.) *Paradeiser*), *frenk* (тур. *frenk* ‘иностранец’)) [Вујовић 1965/2012: 291–292]; *damar* ‘вена’ (алб. *damar*, от тур. *damar*) в Веля-Горане и *ve^ana* (с.-х. *vena*) в Луне [Соболев 2015].

В Веля-Горане, где славянско-албанский контакт продолжается в настоящее время, интерференционные явления можно

³⁹ Ср. с конструкциями с албанским предлогом *tek* ‘в; к’, управляющим номинативом: *Isha nga vëllai* ‘Я был/-а у брата’; *Shkoi tek i ati* ‘Он/она пошел/-ла к своему отцу’.

обнаружить в речи всех билингвальных жителей села: 1) билингвальных мужчин-горанцев, как правило усваивающих оба языка в раннем детстве; 2) билингвальных албанок, которые, по их собственным словам, до замужества в Веля-Горане в достаточной мере владели только албанским языком; 3) билингвальных «мрковок», усвоивших албанский язык только после замужества в Веля-Горане; 4) детей, которые усвоили оба языка в раннем детстве (поскольку обучение в школах в Черногории ведется на государственном языке, у детей школьного возраста этот язык, вероятно, доминирует над албанским, который остается «домашним» языком).

В албанской речи билингвальных горанцев к числу контактно обусловленных явлений относятся такие инновации, отсутствующие у местных албанцев, как оглушение звонких согласных на конце слов с выпавшим конечным *e* /ə/: [verθ] ‘желтый’ (лит. алб. *verdhtë*) — по аналогии с [maθ] ‘большой’ (лит. алб. *madh*); [χuk], опр. ф. [χ'uga] ‘ложка’ (лит. алб. *lugë, -a*) — по аналогии с [zok], опр. форма [z'ogu] ‘птица’ (лит. алб. *zog, -u*). В албанской речи детей отмечены особенности, которые можно объяснить несовершенством языковой компетенции, например неразличение /t/ — /t'/ и отсутствие интердентальных /θ/ и /ð/: [ruj] ‘стерегу; брею’ (ср. лит. алб. *ruaj*, гег. *ru:j* [ru:j] ‘стерегу’ и *rruaj*, гег. *rru:j* [ru:j] ‘брею’), [f'ave] ‘ты сказал’ (диалектная форма аориста от ‘говорить’, лит. алб. *them* [θem] ‘говорю’) и гег. [f'ija] ‘коза’ (лит. алб. *dhia* [ð'ia]) [Морозова 2017: 231–232].

Калькирование структурных моделей в условиях продолжающегося контакта в Веля-Горане приводит к некоторым отличиям от ситуации в говоре мрковичей. Так, одним из следствий иноязычного влияния в говоре мрковичей (и других говоров Черногории) является смешение комитатива и инструментала [Соболев 1990]. Как отмечает Л. Вуйович, в говоре мрковичей в этих контекстах чаще употребляется беспредложный инструментал. В Веля-Горане, напротив, было отмечено употребление конструкции с предлогом *s(a)* ‘с’ во всех значениях (под влиянием албанских предложных конструкций с *me* ‘с’): *'idem u plan 'inu sa 'ovtsama* ‘я иду с овцами в горы’, *st 'ari je ud 'ario k 'ut'fka s n 'ogom* ‘старик ударил пса ногой’, *'ubio ga s n 'ozem* ‘он убил его ножом’. Калькируются и модели управления некоторых глаголов, ср. напр., аккузативное оформление внешнего possessора при глаголах боли в албанской речи горанцев

среднего возраста и детей: *As 'anin e lemp kr 'yti* ‘У Хасана болит голова’, по с.-х. модели *Asana boli glava* (в лит. алб. употребляется датив: *Asanit i dhemb kryet*).

В говоре мрковичей (и в Веля-Горане) имеются лексические кальки с албанского, например названия осенних месяцев: *prvi jeseni* ‘сентябрь’, *drugi jeseni* ‘октябрь’, *treći jeseni* ‘ноябрь’ (букв. ‘первый, второй, третий осени’, от алб. *vjeshtë e parë, vjeshtë e dytë, vjeshtë e tretë* букв. ‘первая, вторая, третья осень’) [Вујовић 1965/2012: 293; Соболев 2015: 544]. В Веля-Горане, помимо этого, отмечены и следующие примеры калькирования: *truškaju se babi* (букв. ‘трясутся старухи’, от алб. *shkunden plakat* ‘сильный снегопад в конце марта, когда на несколько дней портится погода’ [Соболев 2015: 545; Morozova, Forthcoming] и *na ulas aprila* ‘в начале апреля’ (букв. ‘на входе апреля’, от алб. *në hyrje të prillit*) в речи пожилого билингвального горанца; *ne cepam glavu* ‘не переживаю’ (букв. ‘не раскалываю голову’, от алб. *nuk çaj kokën*) в речи билингвальной албанки; *e ka hângar ðarpni n kâ.m* ‘змея укусила его за ногу’ (употребление алб. глагола *ha* ‘есть’ вместо алб. *kafshoj* ‘кусать’, ср. с.-х. *ujesti*) в албанской речи 13-летней девочки; *s'ka lidhje* ‘неважно’ (лит. «нет связи», распространенная калька с с.-х. *nema veze* в албанских говорах Черногории и Косово) в албанской речи «мрковки», живущей в Веля-Горане.

Калькирование семантических моделей и структур, не характерных для славянских языков, наряду с заимствованиями, можно наблюдать внутри отдельной взятой группы лексики, например, в терминологии родства. Инновацией, возникшей в говоре мрковичей под албанским влиянием, является противопоставление старших родственников по отцовской и материнской линиям. В итоге в Веля-Горане можно отметить разные модели номинации старших родственников: *babostari* (‘отец’ + ‘старый’, ср. с.-х. *stariotac* ‘дед’) / *babovejlji* (‘отец’ + ‘большой’) ‘дед по отцу’ и *babodajn* (‘отец’ + ‘дядя по матери’) ‘дед по матери’; *nanastara* (‘мать’ + ‘старая’, ср. с.-х. *staramajka* ‘бабка’) / *nanababa* (‘мать’ + ‘отец’) ‘бабка по отцу’ и *dajna* (‘дядя по матери’ + *na*) ‘бабка по матери’ [Morozova, Forthcoming]. Лексема *babovejlji*, по-видимому, является калькой с алб. *babamadh* [Gjinari, et al. 2007–2008 II: 236–237], сохраняющей характерное для албанского языка устройство именной группы с постпозицией определения. Лексемы *nanababa* и

babodajn представляют собой заимствованные албанские диалектизмы, распространение которых ограничено северо-западными гегскими говорами: алб. гег. *nanbabe*, DEF *nanbabja* и алб. гег. *babdaj*, DEF *babdaja* [Gjinari, et al. 2007–2008 II: 234–235, 240–241].

В речи билингвов из Веля-Гораны возможны случаи переключения кодов, не связанного со сменой адресата:

- (14) *d'imni i ka kər̃k'u z'otit, d'imni i ka kər̃k'u z'otit me mi ła tri dit uh'a. tri dit uh'a me e myt pl'akən me d̃ziθ iʃa ka. i bo(g) ga da tri d'ana od z'ime...*

‘Зима попросила Бога, попросила Бога дать три дня взаимы. Три дня взаимы, чтобы заморозить старуху со всем, что у нее было. **И Бог дал ей три дня зимы...**’

(пример из речи билингвального горанца 1925 г. р.)

Переключение кодов у «поздних» билингвов, напр., в албанской речи «мрковок», усвоивших албанский язык только после замужества в Веля-Горане, сочетается с включением неадаптированных словоформ и употреблением союзов, частиц, междометий из первого языка:

- (15) *Po, pl'aku perf'ekt ka fol serb'ift. 'Ete pl'aka ka fol serb'ift bət... pak aft'u, s ka dit mir, 'ali aj'ł ka fol se n'ana plaks' aj'ł 'isto ka ken pej m̃rk̃oj'evitea⁴⁰, aj'ł ka fol serb'ift perf'ektno. Kn'ene, kn'ena m̃rk̃oj'evitei, zn'atfi l'askite se prez'ivala, 'ali aj'ł ma t'epər ka fol fiʃip.*

‘Да, свекор отлично говорил по-сербски. И свекровь достаточно хорошо говорила по-сербски, немножко не очень, она хорошо не знала, **но** она говорила, потому что ее мать **тоже** была из **Мркочевичей**, она говорила по-сербски **отлично**. Там, там **Мркочевичи**, **значит**, она имела **фамилию Лашкич**, **но** она говорила больше по-албански’.

6.3. Ситуация «сбалансированного языкового контакта» и лингвистическая экзогамия

Среди реальных ситуаций, которые можно было бы предложить для объяснения контактных изменений в говоре мркочевичей,

⁴⁰ Использована неадаптированная с.-х. генитивная форма существительного.

привлекает к себе внимание билингвальная ситуация в Веля-Горане, укладывающаяся в рамки понятия «сбалансированного языкового контакта» (англ. *balanced language contact*). Согласно определениям контактологов, основными свойствами такой ситуации являются протяженность во времени, стабильный билингвизм и отсутствие отношений доминации между контактирующими языками: “In a situation of a long-standing linguistic area and stable multilingualism without any dominance relationships, language contact is ‘balanced’” [Aikhenvald 2007: 42].

Ситуация в изучаемом сообществе

на семейном уровне складывается из ряда микроситуаций и, по крайней мере, некоторые из них имеют довольно неоднородный и, как следствие, неравновесный характер. Неравновесность усиливается по мере приближения к уровню индивидуальных носителей языка: (<...> языки, которыми владеют билингвы, практически всегда играют даже в семейной коммуникации неодинаковую роль (один используется чаще, т. е. «доминирует»)) [Морозова, Русаков, в печати].

В каждой семье могут быть как билингвы, так и монолингвы; билингвы могут владеть обоими языками с раннего детства (билингвы, рожденные в Веля-Горане) либо усвоить их в зрелом возрасте (албанки и «мрковки», которые были монолингвальными до замужества). Примечательна рассмотренная в [Морозова, Русаков, в печати] смена языковой доминации у пожилых албанок: с возрастом они начинают использовать албанский язык, который, по их словам, в целом «забывают», исключительно в общении с родственниками вне села. Несмотря на это, общую тенденцию можно охарактеризовать так: «Если языковая компетенция жителя Веля-Гораны (количество языков, которыми он владеет) меняется в течение его жизни, развитие всегда идет от монолингвизма к билингвизму» [Морозова, Русаков, в печати]. Таким образом, в селе «...постоянно воспроизводится длительное состояние двуязычия достаточно больших групп людей» [Соболев 2015: 542], и билингвальная ситуация достаточно устойчиво сохраняется.

Причины «лингвистической экзогамии» жителей Веля-Гораны, по-видимому, следует искать в происхождении семейств, которые сегодня проживают в этом селе. Изучение генеалогий семейств показало [Морозова, Русаков, в печати], что часть из них имеет албанское, а часть — славянское происхождение. Можно

предположить, что для этнических славян Веля-Гораны толчком к возникновению «лингвистической экзогамии» мог послужить пример соседей-албанцев, которые традиционно женились на албанках из соседних сел и областей.

Так или иначе, в настоящее время главным фактором, способствующим сохранению билингвизма в сообществе Веля-Гораны, очевидно, является постоянный приток невесток-албанок. Однако билингвальные «горанцы» берут в жены не только албанок, но и «мрковок» из монолингвальных сел. Последние могут оставаться монолингвальными (или «пассивными билингвами») на протяжении всей жизни, а их дети — не усвоить албанский язык и также оставаться монолингвами. Как представляется, подобная ситуация способна привести к славянизации (по крайней мере, на семейном уровне), в то время как переход к албанскому монолингвизму, как в отдельной семье, так и на уровне сельского сообщества в целом, представляется маловероятным. Можно предположить, что ситуация в мрковичах в целом была устроена отчасти сходным образом. Активный билингвизм какой-то (возможно, значительной) части жителей краины, наряду с наличием в некоторых (или во многих) селах албанского элемента, который был впоследствии славянизирован, обусловили появление и закрепление в говоре мрковичей немногочисленных, но довольно ярких инноваций на разных уровнях языковой системы.

7. Инклюзия и симбиоз. Карашево⁴¹

7.1. Карашевцы

Карашевцы (рум. *C(a)raşoveni*, с.-х. *K(a)raşovani*) — преимущественно славяноязычное этническое меньшинство Республики Румынии, чьи происхождение (этно- и лингвогенез), история, идентичность и языковая принадлежность являются предметом дискуссий как научного, так и политического характера. Члены данного сообщества католического вероисповедания проживают в семи селах, расположенных в историческом регионе Банат: Карашево, Клокотич, Лупак, Нермет, Рафник, Водник и Ябалча (жудец Караш-Северин). Отсутствие письменных свидетельств о происхождении карашевцев послужило поводом для множества научных и

⁴¹ Автор раздела Д. В. Конёр.

политических спекуляций. Частично обоснована теория о том, что карашевцы — потомки первых славян, пришедших на Балканы в VII в., поселившихся к северу от Дуная и смешавшихся впоследствии с несколькими волнами мигрантов из разных областей Балканского полуострова [Радан 2015: 63–65, с лит.]. Сейчас карашевцы относят себя в основном к хорватам. Выбор этой опции идентичности, совершенный в 90-х гг. XX в., был обусловлен католическим вероисповеданием, а также экономической заинтересованностью сообщества [Crețan, Kun, Vesalon 2014; Радан 2015].

Основным фактором культурной и языковой дивергенции на территории микрорегиона можно считать изолированность и замкнутость карашевцев вплоть до второй половины XX в. С другой стороны, фактором конвергенции следует признать банатский исторический контекст. В результате проводимых Габсбургской монархией колонизаций, регион стал настоящей мозаикой полиэтничных и мультилингвальных сообществ, в которых, однако, существовала относительная изоляция между различными этническим и языковым группами [Hurezan, Colta 2002: 91; Vuzărnescu, Pribac 2002]. От ближайших соседей — православных румын и сербов Баната — карашевцев отличала, прежде всего, католическая религия. Несмотря на то что карашевцам удалось избежать ассимиляции, доля фамилий румынского происхождения в их ономастиконе составляет более 51%, что указывает на присутствие румынского элемента в их этногенезе [Томић 1974: 221]. Кажется правильным считать, что карашевцы как микронарод сформировались уже на территории Баната; это же будет справедливо и для группы карашевских говоров⁴².

⁴² Между говорами всех семи сел имеются, в основном, фонетические и лексические отличия [Радан 2015: 11]. В рамках нашего исследования мы рассматриваем только говор с. Карашево и максимально близкий ему славянский говор с. Ябалча. Карашевские говоры можно охарактеризовать как южнославянские по происхождению, штокавские и экавские с небольшим количеством поздно появившихся икавизмов [Радан 2015: 65]. Фонетические черты сближают карашевские говоры с торлакскими, в то время как морфологические — с косовско-ресавскими говорами [Радан 2015: 65–67].

7.2. Карашевские (славянские) говоры

Один из **карашевских (славянских) говоров** является первым языком (L1) для жителей большинства карашевских сел (за исключением села Ябалча). Сохранив значительное количество архаизмов на всех языковых уровнях, карашевские говоры также подверглись некоторым балканизующим процессам. Этим можно объяснить такие явления, как утрата тонической акцентной системы и противопоставления гласных по количеству; утрата синтетической компарации; частотность генитивных конструкций вроде *čorba od paradajsa* ‘томатный суп’; употребление дательно-притяжательной конструкции, типичной для румынского языка (*lajanje psetu*_{DAT} ‘лай пса’) и др. [Милин, Радан 2002: 64–65]. Интенсивность контакта карашевских говоров с румынским языком прослеживается в архаичных и более новых заимствованиях, отмечаемых в самых разных семантических группах (экономическая и общественная жизнь, человеческое тело, флора и фауна, сельское хозяйство, термины родства и др.). Больше всего таких заимствований присутствует в группах, связанных с ведением хозяйства, экономикой и общественной жизнью [Радан, Бошняковић 2010: 145–146]. Румынские лексемы легко адаптируются в языке-реципиенте: склоняемое сущ. ж. р. *bukatarija* < сущ. ж. р. *bucătărie* ‘кухня’; сущ. м. р. *sertar* ‘комод’ < сущ. ср. р. *sertar* ‘ящик (комода)’. Заимствование румынских слов-связок вроде *bun* ‘хорошо’, *de acord* ‘согласен(-на, -ны)’, *pe părerea mea* ‘по-моему’, *deci* ‘итак’, *cum se zice* ‘как говорится’, *salut* ‘привет’ не влечет за собой никаких морфосинтактических изменений: *Čuli smo da imate jednu devojku, došli smo da ju prosimo. Late`l vi da date tu devojku za nas, jeste vi de akord da date tu devojku kod nas?* ‘Мы слышали, что у вас есть девушка, мы пришли ее сватать. Отдадите ли вы эту девушку нам, согласны ли вы нам ее отдать?’ [Конёр 2018]. Что касается переключений кодов, то в нашем материале мы практически не находим полноценных чередований (*multi-word switches*), зато очень частотными в речи карашевцев являются вставки (*insertions*). Для последних, вслед за [Sankoff, et al. 1990], мы используем термин «окказиональные заимствования» (*nonce loans*): *Da imaš amintire če bil Sveti Ilija* ‘Чтобы ты помнила, что был Святой Илья’; *Ne dođu dok ne znaju malko aprobare* ‘Не придут, пока не будут знать, что есть какое-то одобрение’. Такие включения из L2 не обязательно

повторяемы и широко распространены, но с заимствованием их сближает высокая степень интеграции в язык L1. Частотность данного явления дает нам основания считать его основным «проводником» румынской интерференции в карашевских говорах в настоящий момент.

7.3. Этнолингвистическая инклюзия

Карашевский славянский говор (в его собственно карашевском субварианте, на что указывает *a*-рефлекс *ъ = *ь [Соболев 2002: 97–98]) в качестве второго языка (L2) бытует в селе Ябалча, жители которого признают свое этническое и религиозное единство с населением других карашевских сел, т. е. считают себя карашевцами, но в повседневной коммуникации используют румынский язык⁴³. Языковые компетенции младшего и среднего поколений ябалчан ограничиваются способностью понимать и воспроизводить отдельные лексемы; представители старшего поколения ябалчан могут порождать небольшие тексты, содержащие хезитации и переходы на румынский. Нами также были выявлены контактно-обусловленные явления в морфосинтаксисе и синтаксисе, среди которых отметим номинатив как падеж прямого объекта (*Oni govore malo druga forma*); нарушения в употреблении падежных форм в предложных конструкциях (*Salate... od slatko, slatka kapusta*); частую постпозицию атрибута (*glava tvoja, babe stare, reči drugačke ~ druga forma, slatka kapusta, malomu detetu*); препозицию глагольных клитик (*su jeli, su nosili, se činilo, se popravi*); избегание *pro drop* (*mi znamo, vi govorite, oni uvate*); именительный темы (*A Hrvati, oni govore malo druga forma*). По всей видимости, используемый ябалчанами карашевский идиом обладает некоторой повышенной степенью аккомодации к румынскому языку. Тем не менее, для большинства явлений (постпозиция атрибута, именительный темы и др.) в настоящий момент более точным будет говорить о повышенной частотности конструкций, изоморфных румынским, по сравнению с некоторым «типично славянским состоянием» [Конёр, Соболев 2017: 997].

⁴³ В рамках нашего исследования была установлена диалектная атрибуция ябалчанского румынского говора: он относится к банатскому диалектному пространству (рум. *(sub)dialectul bănăţean*).

Не обладая документальными подтверждениями и располагая только повторяемой нашими информантами в разном виде легендой о неких пришлых рабочих из Румынии, а также соотнося исторические (малый размер с. Ябалча, его экономическая и социальная зависимость от соседнего с. Карашево; особый «банатский» тип сосуществования народов и языков; многовековое противостояние с турками и, как следствие, демографические спады в регионе) и языковые (неравновесный билингвизм, реализуемый с определенными отличиями, заметными на *уровне семьи*; по большей части румынский ономастикон ябалчан; принадлежность румынского говора ябалчан к банатскому диалектному пространству), мы можем предполагать, что славянский (карашевский) идиом в Ябалче конкурировал с банатским диалектом румынского языка *через носителей* карашевского как L1 (карашевцев) и румынского как L1 (румын). Переход ябалчан на румынский, таким образом, не состоялся в далеком прошлом, как отмечали ранее лингвисты, работавшие в регионе, — он происходит по сей день; и только в XXI веке, под воздействием процессов глобализации, этот процесс вошел в завершающую фазу.

7.4. Единый культурный код

Частное исследование лексико-семантической группы свадебной обрядности и примыкающей к ней группы терминов родства в славянском говоре с. Карашево и в славянском и румынском говорах с. Ябалча приводит к следующим обобщениям. Принимая во внимание условия многовекового контакта романского и славянского населений на территории Баната, мы не всегда можем (и считаем нужным) говорить об элементах лексического кода традиционной свадьбы как о строго романских/румынских или славянских/карашевских по происхождению (как в случаях *kotarica/cotarîță* ‘корзина’, *lajber/laiber* ‘безрукавка’, *bronka/broancă* ‘контрабас’, *opregu* ‘фартук’, *krža* ‘палка с крюком’, *kočija/košija* ‘повозка’). В случае двуязычной лексической подсистемы свадьбы, речь идет не о двух не связанных между собой наборах лексем, часть из которых является заимствованиями из языка *x* в язык *y*; а о едином культурном коде, представленном в виде двух различных, но тесно связанных между собой языковых воплощений [Конёв 2016: 645]. Терминология родства также отражает многочисленные взаимные влияния как на уровне системы родственных

отношений, так и в плане выражения (лексические соответствия): сакральная релевантность института кумовства; институт повитух; неразличение терминов, обозначающих двоюродных и троюродных братьев и сестер по линии матери и отца; лексемы *unuk, unuka/ nepot, nepoatǎ* относятся и к понятиям «внук, внучка», и «племянник, племянница»; почти полный отказ от специальных терминов, обозначающих сиблингов (и их супругов) как мужа, так и жены, и их замена вокативами м. р. *bajco/baiṭo* и ж. р. *cejko/ṭeico*; лексические соответствия *dever/ḍever, deda/deda, majka/maicǎ, ujka/uicǎ, ujna/ujnǎ, striča/stricea, strina/strina, tetka/tetcǎ* [Жонёр 2018].

7.5. Славяно-румынский симбиоз

Славянские говоры Карашево, Ябалчи и других карашевских сел стоит рассматривать в контексте многовекового взаимодействия восточных романцев и славян, интенсивность которого позволила Т. Капидану охарактеризовать этот процесс как «превращение» одних в других [Capidan 1936: 175–176]. Среди особенностей контакта карашевцев и банатских румын важно отметить следующие: раннее начало и многовековая продолжительность; изоляция карашевских говоров от других сербских и хорватских говоров Баната; смешанные браки [Радан 2015: 244–245, 252]. Как диахронические (большое количество «старых» румынских заимствований; переход части группы на румынский язык), так и синхронические параметры («новые» заимствования; смешение кодов; тенденция к лучшему владению румынским по сравнению с карашевским, заметная у среднего и младшего поколений) указывают на непрерывность славяно-романского языкового контакта в микрорегионе Карашево, менявшего свой характер на разных этапах истории под влиянием экстралингвистических факторов. Вероятно, этот процесс достиг своего экстремума в самом маленьком карашевском селе — Ябалче.

В случае всего микрорегиона Карашево (и особенно в Ябалче) можно прямо говорить о *симбиозе южнославянских и восточнороманских языков и культур*. Одним из следствий этого является меньшая межъязыковая дистанция между карашевскими говорами и банатским диалектом румынского языка по сравнению с дистанцией между сербской/хорватской и румынской литературными нормами. С другой стороны, несмотря на возрастающее влияние румынского языка на славянские карашевские говоры, их

грамматическая структура сохранена, и мы не наблюдаем прямых свидетельств образования смешанного языка.

8. Заключение⁴⁴

Рассмотренные лингвистические ситуации достаточно широко репрезентируют разнообразие би- и мультилингвального языкового ландшафта Балкан и спектр языковых изменений в контакте. Углубленное диахроническое и синхроническое исследование балканских лингвистических микроареалов позволяет лучше понять, частично реконструировать и прогнозировать характерные для полуострова языковые процессы, приводящие как к сохранению языка в интенсивном контакте, так и к языковым сдвигам. Эта экстраполяция возможна благодаря идентичности когнитивных и структурных механизмов интерференции, а также базовых контактных ситуаций, и не в последнюю очередь — стойкости сохранения на микроуровне характера социальных отношений внутри конкретных сообществ. Опираясь на результаты интерференционных языковых изменений, мы можем восстановить отдельные параметры контактной ситуации в прошлом. Так, если мы наблюдаем сильные интерференционные изменения в области фонетики и большое количество грамматических калек, то мы можем предположить, что контакты имели интенсивный характер. Однако способы отличия ситуации, в которой «свой» язык сохраняется несмотря на интенсивный контакт с иным языком, от ситуации смены языка в прошлом (и реконструкция процесса смены языка при отсутствии исторических, этнографических и языковых свидетельств) остается важной методологической проблемой, решать которую предстоит в будущем.

Корреляции между параметрами ситуации и языковыми изменениями не носят одно-однозначный характер: различные констелляции разнообразных и плохо формализуемых исторических, этнографических и социолингвистических факторов могут приводить к близким лингвистическим результатам. Это особенно ярко видно при обращении к материалу цаконского диалекта: глубокие и уникальные (как в контексте истории греческих диалектов, так и в контексте балканских языков в целом) изменения, которые

⁴⁴ Авторы раздела А. Ю. Русаков и А. Н. Соболев.

претерпела его грамматическая система, заставляет нас ставить вопрос об особом характере историко-лингвистической ситуации, в рамках которой произошли эти изменения, предполагать языковой сдвиг или языковые контакты экстремального типа (функционалирование цаконского или какого-то идиома, участвовавшего в образовании цаконского, в качестве *lingua franca*), но отсутствие экстралингвистических данных не позволяет нам реконструировать эту ситуацию, определив, например, носители каких, собственно, языков испытали этот языковой сдвиг.

Совершившееся в прошлом благодаря контакту языковое изменение (англ. *contact-induced language change*), вероятно, могло бы быть идентифицировано в качестве такового при ретроспективном противопоставлении речи билингов и речи монолингов. К сожалению, данных такого рода история Балканского полуострова нам не предоставляет. На синхронном уровне эффекты контакта, видимо, могут быть идентифицированы в речи билинга только в контрасте с речевым поведением монолингвального носителя того же языка, что следует осуществить в будущем⁴⁵.

В ряде случаев мы уже сегодня можем установить определенные корреляции между конкретными изменениями в языковой субстанции, структуре и функциях и параметрами конкретной контактной ситуации. Наиболее четко это видно на примере идиома славян Голо Бордо, где мы имеем дело с классической ситуацией сохранения первого языка, славянского диалекта (см. [Thomason, Kaufman 1988]), на который оказывает незначительное влияние албанский язык, доминирующий в социолингвистическом плане, но субдоминантный лингвистически. Остальные ситуации сложнее. Сообщество в Веля-Горане приближается к равновесному билингвизму, главный источник постоянного воспроизводства которого — лингвистическая экзогамия. Рассмотрение ситуации на уровне семей и отдельных индивидов показывает, что она складывается из множества микроситуаций, включающих в себя как сохранение языка, так и языковой сдвиг (или, по крайней мере, смену языковой доминанции, которая происходит в течение жизни

⁴⁵ Так же в дальнейшем детальном исследовании нуждаются и до сих пор мало известные механизмы сепарации групп людей или их объединения в симбиотические сообщества.

отдельных носителей). На языковом уровне здесь представлены отдельные случаи фонетической интерференции, относительно распространенные лексические и грамматические кальки, а также умеренное количество заимствований. Более глубокие изменения конвергентного типа блокируются здесь, по всей видимости, «открытым» характером сообщества — постоянным контактом с формами албанского и сербохорватского языков, бытующих вне сообщества. Ситуация в Преспе, важная для понимания языковых контактов в центральной части Балкан, характеризуется чрезвычайно сложным характером. В историческом плане мы и здесь имеем дело с ситуацией языкового сдвига (или смены доминанции) и сохранения языка в различных соотношениях, меняющихся в диахроническом и диатопическом плане. В качестве доминанты можно отметить сохранение македонского и албанского языков (хотя и тут, несомненно, бывали случаи языкового сдвига у индивидуальных говорящих) и постепенный переход арумынского населения на окружающие языки. В лингвистическом плане эти длительные процессы привели к значительному уровню конвергенции грамматических систем, в котором ключевую роль, возможно, играл именно языковой сдвиг у арумын. В настоящее время в ареале Преспы мы имеем разнообразные ситуации двустороннего (албанцы владеют македонским языком и македонцы албанским) и одностороннего (албанцы владеют македонским языком, македонцы не владеют албанским) билингвизма. Односторонний билингвизм у арумын характеризуется выраженной доминанцией (социолингвистической и лингвистической) языков окружающего населения. Ситуации сохранения языка и языкового сдвига у карашевцев характеризуются любопытным географическим распределением. В большей части карашевских сел родной славянский диалект сохраняется, подвергаясь влиянию румынского языка, доминанция которого, в т. ч. и лингвистическая, по всей видимости, увеличивается. Румынское влияние проявляется в заимствованиях и кальках. В Ябалче произошел языковой сдвиг, и славянский идиом функционирует уже в качестве второго языка, претерпевшего большее румынское влияние, чем диалект собственно карашевцев. И для собственно карашевцев и особенно для Ябалчи, возможно, определенную роль в развитии билингвальной

ситуации играли браки с румыноязычным населением. Рассмотрение ситуации на острове Крк сквозь призму лексики письменных средневековых текстов показывает, что в данном случае мы имеем дело с чрезвычайно долгим периодом сохранения обоих языков, закончившимся полным языковым сдвигом у романского населения уже в конце XIX века. С лингвистической точки зрения, мы наблюдаем такие результаты сравнительно умеренного языкового контакта, как лексические заимствования, что может объясняться, впрочем, и письменным характером изученного материала. Контакты со славянами в Цаконии или были опосредованными, или не выходили за пределы точечного взаимодействия на уровне небольших групп говорящих.

Все рассмотренные ситуации демонстрируют умеренный уровень структурной конвергенции вовлеченных в них языков, о полном уподоблении или совпадении фонологических, грамматических и лексических систем ни в одном из рассмотренных случаев речь не идет. В целом науке как будто бы неизвестны случаи полного, обусловленного контактом уподобления грамматических систем. На Балканах не возникает ни единого интегрированного языкового сообщества, ни креольского или смешанного языка, ни нового языкового типа, ни полной языковой смерти, ни полного отказа всеми говорящими от какого-либо языка. Балканский двуязычный говорящий, как представляется, совершенно не озабочен тем, чтобы облегчить когнитивную нагрузку, связанную с запоминанием и использованием двух и более различных языковых систем (см. [Bisang 2006: 90], с лит.). Напротив, наши исторические и современные данные демонстрируют наличие усложненных, а не упрощенных грамматических категорий и лексических систем, а также форм, следующих идиосинкратическим моделям, и, наконец, сохранение синтетических грамматических архаизмов и архаичной лексики. При этом речь двуязычных информантов демонстрирует, что правила L1 и L2 могут распространяться на фонетическую субстанцию как L1, так и L2, которая может постоянно и систематически усложняться благодаря заимствованиям.

Однако пределы структурной конвергенции балканских языков могут быть довольно отчетливо установлены эмпирически на уровне локальных диалектов (идиолектов групп говорящих). Полному структурному уподоблению разных языков, несмотря на

максимальную интенсивность межбалканского языкового взаимодействия, сопротивляются, прежде всего, фрагменты грамматической системы, характеризующиеся наличием семантически непрозрачных словоизменительных морфем, т. е. демонстрирующие высокий уровень языковой сложности (напр., копированию и контактными изменениям сопротивляется славянский вид⁴⁶ или причастие на *-lъ); в лексиконе также имеются семантические группы, резистентные для заимствований. И хотя конкретные языковые изменения в языковой субстанции и функции (или их отсутствие) на настоящем этапе развития балканистических исследований нелегко увязать с параметрами конкретных контактных ситуаций, которые часто индивидуальны, трудно сводимы к идеализированным типам и в которых в разных пропорциях могут сочетаться сохранение языка и неполное овладение языком, тем не менее, увеличение достоверности реконструкции или прогноза представляется в принципе возможным, причем возрастание суммы достоверного знания, полученного лингвистическими диагностиками, вероятно, достижимо при обращении к новым технологиям, позволяющим обрабатывать статистически релевантное количество данных.

Список условных сокращений

AOR — аорист; F — женский род; N — средний род; PART — причастие; PASS — пассив; PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; SG — единственное число.

Литература

- Видоески 1998 — Б. Видоески. Дијалектите на македонскиот јазик. Т. 1. Скопје: МАНУ, 1998. [B. Vidoeski. *Dijalektite na makedonskiot iazik* [The dialects of Macedonian]. Vol. 1. Skopje: MANU, 1998].
- Вујовић 1965/2012 — Л. Вујовић. Мрковићки дијалекат (с кратким освртом на сусједне говоре). Докторска дисертација са додатком. Београдски универзитет, 1965. Репринт издање дјела. Подгорица: Савјет Муслимана Црне Горе, 2012. [L. Vujović. *Mrkovički dijalekat (s kratkim osvrtom na susjedne govore)*. Doktorska disertacija sa

⁴⁶ Впрочем, как показывает материал истрорумынского языка, и славянский вид может быть до известной степени реплицирован [Hugren 1969] при условии чрезвычайно сильной доминанции языка окружающего населения.

- dodatkom. Beogradski univerzitet, 1965 [Mrkovići dialect (with a short overview of the neighbouring speeches). A doctoral thesis with the addition. University of Belgrade, 1965]. Reprint izdanje djela. Podgorica: Savjet Muslimana Crne Gore, 2012].
- Домосилецкая 2002 — М. В. Домосилецкая. Албанско-восточнороманский сопоставительный понятийный словарь. Скотоводческая лексика. СПб.: Наука, 2002. [M. V. Domosiletskaya. Albansko-vostochnoromanski sopostavitel'nyi ponyatiinyi slovar'. Skotovodcheskaya leksika [The Albanian-Eastern Romance comparative conceptual dictionary: Stock raising vocabulary]. Saint Petersburg: Nauka, 2002].
- Дугушина, Морозова 2016 — А. С. Дугушина, М. С. Морозова. Мрквичи и их соседи: о чем может рассказать брачная география? // XLV Международная филологическая конференция: 14–21 марта 2016 г.: тезисы докладов. СПб.: Филол. ф-т СПбГУ, 2016. С. 544–545. [A. S. Dugushina, M. S. Morozova. Mrkovići i ikh sosedi: o chem mozhet rasskazat brachnaia geografija? [Mrkovići and their neighbors: What the marriage geography can tell?]. 45th International Philological Research Conference. Saint Petersburg, 14–21 March 2016: Abstracts. Saint Petersburg: Faculty of Philology, 2016. P. 544–545].
- Ердельяновић 1981 — Ј. Ердельяновић. Кучи // Ј. Ердельяновић. Кучи, Братаножићи, Пипери. Београд: Слово љубве, 1981. С. 1–343. [J. Erdeljanović. Kući // J. Erdeljanović. Kući, Bratanožići, Piperi. Beograd: Slovo Ljubve, 1981. P. 1–343].
- Ивић 1985 — П. Ивић. Дијалектологија српскохрватског језика. Увод и штокавско наречје. Друго издање. Београд: Матица српска, 1985. [P. Ivić. Dijalektologija srpskohrvatskog jezika. Uvod i štokavsko narečje [Dialectology of Serbo-Croatian. Introduction and Štokavian]. Beograd: Matica srpska, 1985].
- Јовановски 2005 — В. Јовановски. Населбите во Преспа (местоположба, историјски развој и минато). Скопје: Ѓурѓа, 2005. [V. Jovanovski. Naselbite vo Prespa (mestopolozhba, istorijski razvoj i minato) [The villages of Prespa (location, history and past)]. Skopje: Gjurgja, 2005].
- Јовићевић 1922 — А. Јовићевић. Црногорско приморје и Крајина // Српски етнографски зборник 11, 1922. [A. Jovičević. Crnogorsko Primorje i Krajina [Montenegrin Primorje and Krajina] // Srpski etnografski zbornik 11, 1922].
- Кисилиер 2014 — М. Л. Кисилиер. О Цаконии и цаконцах: на стыке истории и филологии // Acta linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН X. 1, 2014. С. 283–306. [M. L. Kisilier. O Tsakonii i tsakontsakh: na styke istorii i filologii [Tsakonia and Tsakonians: On the crossroads of history and philology] // Acta linguistica Petropolitana X. 1, 2014. P. 283–306].

- Кисилиер 2017 — М. Л. Кисилиер. Лексические особенности цаконского диалекта новогреческого языка: Предварительные наблюдения и перспективы исследования // Вопросы языкознания 1, 2017. С. 105–136. [M. L. Kisilier. Leksicheskie osobennosti tsakonского dialecta novogrecheskogo iazyka: Predvatel'nye nabliudeniia i perspektivy issledovaniia [Lexical peculiarities of the Tsakonian dialect of Modern Greek: Preliminary observations and perspectives of study] // Voprosy iazykoznanii 1, 2017. P. 105–136].
- Кисилиер, Федченко 2011 — М. Л. Кисилиер, В. В. Федченко. К вопросу о мягких согласных в цаконском диалекте новогреческого языка // Индоевропейское языкознание и классическая филология XV, 2011. С. 259–266. [M. L. Kisilier, V. V. Fedchenko. K voprosu o miagkikh soglasnykh v tsakonском dialecte novogrecheskogo iazyka [Palatal sonants in Tsakonian. Discussing the problem] // Indoevropеiskoe iazykoznanie i klassicheskaia filologiia XV, 2011. P. 259–266].
- Конёр 2015 — Д. В. Конёр. Международная конференция «Грамматическая гибридизация и социальные условия» // Вопросы языкознания 3, 2015. С. 149–153. [D. V. Konior. Mezhdunarodnaia konferentsiia «Grammaticheskaia gibridizatsiia i sotsialnye usloviia» [International workshop «Grammatical hybridization and social conditions». Leipzig, 2014] // Voprosy iazykoznanii 3, 2015. P. 149–153].
- Конёр 2016 — Д. В. Конёр. Лексическая реализация предметного кода карашевской свадьбы // Acta linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН XII. 3, 2016. С. 629–649. [D. V. Konior. Leksicheskaia realizatsiia predmetnogo koda karashevskoi svad'by [Object code in Krashovani wedding vocabulary and its lexical manifestation]. Acta linguistica Petropolitana XII. 3, 2016. P. 629–649].
- Конёр 2018 — Д. В. Конёр. Лексика свадебной обрядности в славянском и румынском идиомах карашевцев в исторической области Банат. СПб.: ИЛИ РАН, 2018. Рукопись кандидатской диссертации. [D. V. Konior. Leksika svadebnoi obriadnosti v slavianskom i rumynskom idiomakh karashevtsev v istoricheskoi oblasti Banat [Wedding vocabulary in Slavic and Romanian varieties of the Banat Krashovani]. Saint Petersburg: Institute for Linguistic Studies (RAS), 2018. Manuscript of PhD dissertation].
- Конёр, Соболев 2017 — Д. В. Конёр, А. Н. Соболев. Особенности неравновесного билингвизма у румыноязычных карашевцев в селе Ябалча // Индоевропейское языкознание и классическая филология XXI, 2017. С. 985–1001. [D. V. Konior, A. N. Sobolev. Osobennosti neravnovesnogo bilingvizma u rumynoiazychnykh karashevtsev v sele Iabalcha [On some aspects of nonequilibrium

- Romanian-Slavic bilingualism in the village of Iabalcea // *Indoeuropeiskoe iazykoznanie i klassicheskaia filologiya XXI*, 2017. P. 985–1001].
- Кънчов 1900 — В. Кънчов. Македония. Етнография и статистика. София: Бълг. книж. д-во, 1900. [V. Künchov. Makedoniia. Etnografiia i statistika [Macedonia. Ethnography and statistics]. Sofia: Bŭlgarsko knizhovno druzhestvo, 1900].
- МДАБЯ 2003 — А. Н. Соболев (ред.). Малый диалектологический атлас балканских языков. Пробный выпуск. München: Verlag Otto Sagner, 2003. [A. N. Sobolev (ed.). *Malyi dialektologicheskii atlas balkanskikh iazykov* [Minor linguistic atlas of the Balkan languages]. Trial volume. München: Verlag Otto Sagner, 2003].
- МДАБЯ 2005а — А. Н. Соболев (ред.). Малый диалектологический атлас балканских языков. Серия лексическая. Т. I. Лексика духовной культуры. München: Verlag Otto Sagner, 2005. [A. N. Sobolev (ed.). *Malyi dialektologicheskii atlas balkanskikh iazykov. Seriiia leksicheskaia. Vol. I. Leksika dukhovnoi kultury* [Minor linguistic atlas of the Balkan languages. Lexical series. Vol. I. Spiritual culture]. München: Verlag Otto Sagner, 2005].
- МДАБЯ 2005b — А. Н. Соболев (ред.). Малый диалектологический атлас балканских языков. Серия грамматическая. Т. I. Категории имени существительного. München: Verlag Otto Sagner, 2005. [A. N. Sobolev (ed.). *Malyi dialektologicheskii atlas balkanskikh iazykov. Seriiia grammaticheskaia. Vol. I. Kategorii imeni sushchestvitelnogo* [Minor linguistic atlas of the Balkan languages. Grammar series. Vol. I. Noun categories]. München: Verlag Otto Sagner, 2005].
- МДАБЯ 2006 — А. Н. Соболев (ред.). Малый диалектологический атлас балканских языков. Серия лексическая. Т. II. Человек. Семья. München: Verlag Otto Sagner, 2006. [A. N. Sobolev (ed.). *Malyi dialektologicheskii atlas balkanskikh iazykov. Seriiia leksicheskaia. Vol. II. Chelovek. Semia* [Minor linguistic atlas of the Balkan languages. Lexical series. Vol. II. Person. Family]. München: Verlag Otto Sagner, 2006].
- МДАБЯ 2009 — А. Н. Соболев (ред.). Малый диалектологический атлас балканских языков. Серия лексическая. Т. III. Животноводство. СПб.: Наука; München: Verlag Otto Sagner, 2009. [A. N. Sobolev (ed.). *Malyi dialektologicheskii atlas balkanskikh iazykov. Seriiia leksicheskaia. Vol. III. Zhivotnovodstvo* [Minor linguistic atlas of the Balkan languages. Lexical series. Vol. III. Animal breeding]. Saint Petersburg: Nauka; München: Verlag Otto Sagner, 2009].
- МДАБЯ 2010 — М. В. Домосилецкая (сост.), А. Н. Соболев (ред.). Малый диалектологический атлас балканских языков. Серия лексическая. Т. IV. Ландшафт. СПб.: Наука; München: Verlag Otto Sagner, 2010.

- [M. V. Domsiletskaia (comp.), A. N. Sobolev (ed.). *Malyi dialektologicheskii atlas balkanskikh iazykov. Seriya leksicheskaia. Vol. IV. Landshaft [Minor linguistic atlas of the Balkan languages. Lexical series. Vol. IV. Landscape]. Saint Petersburg: Nauka; München: Verlag Otto Sagner, 2010].*
- МДАБЯ 2012 — М. В. Домосилецкая (сост.), А. Н. Соболев (ред.). *Малый диалектологический атлас балканских языков. Серия лексическая. Т. V. Метеорология. СПб.: Наука; München: Verlag Otto Sagner, 2012.* [M. V. Domsiletskaia (comp.), A. N. Sobolev (ed.). *Malyi dialektologicheskii atlas balkanskikh iazykov. Seriya leksicheskaia. Vol. V. Meteorologija [Minor linguistic atlas of the Balkan languages. Lexical series. Vol. V. Meteorology]. Saint Petersburg: Nauka; München: Verlag Otto Sagner, 2012].*
- МДАБЯ 2013 — А. Н. Соболев (ред.). *Малый диалектологический атлас балканских языков. Серия лексическая. Т. VI. СПб.: Наука; München: Verlag Otto Sagner, 2013.* [A. N. Sobolev (ed.). *Malyi dialektologicheskii atlas balkanskikh iazykov. Seriya leksicheskaia. Vol. VI. Polevodstvo. Ogorodnichestvo [Minor linguistic atlas of the Balkan languages. Lexical series. Vol. VI. Crop farming. Kitchen garden]. Saint Petersburg: Nauka; München: Verlag Otto Sagner, 2013].*
- МДАБЯ 2018 — М. В. Домосилецкая (сост.), А. Н. Соболев (ред.). *Малый диалектологический атлас балканских языков. Серия лексическая. Т. VII. Пчеловодство. СПб.: Наука, 2018 (в печати).* [M. V. Domsiletskaia (comp.), A. N. Sobolev (ed.). *Malyi dialektologicheskii atlas balkanskikh iazykov. Seriya leksicheskaia. Vol. VII. Pchelovodstvo. [Minor linguistic atlas of the Balkan languages. Lexical series. Vol. VII. Beekeeping]. Saint Petersburg: Nauka, 2018 (in print)].*
- Милин, Радан 2002 — Ж. Милин, М. Н. Радан. О заједничком пореклу архаичних српских говора са подручја румунског Баната («банатско-црногорски», карашевски и свинички говори) // *Romanoslavica XXXVIII*, 2002. P. 41–67. [J. Milin, M. N. Radan. O zajedničkom poreklu arhaičnih srpskih govora sa područja rumunskog Banata («Banatsko-crnogorski», karaševski i svinički govori) [On the common origin of the archaic Serbian varieties from Romanian Banat (“Banat-Montenegrin”, Craşovani and Svinița varieties)]. *Romanoslavica XXXVIII*, 2002. P. 41–67].
- Морозова 2017 — М. С. Морозова. Албанский говор или говоры Гораны? Генезис и функционирование // *Вестник СПбГУ. Язык и литература* 14. 2, 2017. С. 222–237. [M. S. Morozova. Albanskii govor ili govory Gorany? Genezis i funkcionirovanie [Albanian dialect(s) of Gorana: genesis and functioning] // *Vestnik of Saint Petersburg University SPbSU. Language and Literature* 14. 2, 2017. P. 222–237].

- Морозова, Русаков, в печати — М. С. Морозова, А. Ю. Русаков. Черногорско-албанское языковое пограничье: в поисках «сбалансированного языкового контакта» // Словѣне. В печати. [M. S. Morozova, A. Yu. Rusakov. Chernogorsko-albanskoje iazykovoje pogranchije: v poiskakh «sbalansirovannogo iazykovoگو kontakta» [Montenegrin-Albanian linguistic border: In search of “balanced language contact”] // Slovene. Forthcoming].
- Пешикан 1981 — М. Пешикан. Наставак -за у јужнозетским именима XV века // F. Jakopin (ured.). Četvrta jugoslavenska onomastična konferencija. Ljubljana: Slovenska Akad. Znanosti in Umetnosti, 1981. С. 419–425. [M. Pešikan. Nastavak -za u južnozetskim imenima XV veka [Suffix -za in the Southern Zeta names of the XV century] // F. Jakopin (ed.). Četvrta jugoslavenska onomastična konferencija [4th Yugoslavian Conference in Onomastics]. Ljubljana: Slovenska Akad. Znanosti in Umetnosti, 1981. P. 419–425].
- Пјанка 1970 — В. Пјанка Топономастиката на Охридско-Преспанскиот базен. Скопје: Институт за македонскиот јазик «Крсте Мисирков», 1970. [V. Pjanka. Toponomastikata na Ohridsko-Prespanskiot bazen [Toponymy of Ohrid and Prespa region]. Skopje: Institut za makedonskiot јазик “Kрste Misirkov”, 1970].
- Плунгян 2011 — В. А. Плунгян. Универсальный грамматический набор как инструмент грамматической типологии // С. Ю. Дмитренко, А. К. Оглоблин, Н. М. Спатарь, В. С. Храковский (ред.). Международная конференция, посвященная 50-летию Петербургской типологической школы: Материалы тезисов и докладов. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 142–145. [V. A. Plungian. Universal’nyi grammaticheskiј nabor kak instrument grammaticheskoi tipologii [Universal grammar kit as a tool for grammatical typology] // S. Ju. Dmitrenko, A. K. Ogloblin, N. M. Spatar, V. S. Khrakovkij (eds.). Mezhdunarodnaia konferentsiia, posviashchennaia 50-letiiu Peterburgskoi tipologicheskoi shkoly [International conference on the 50th anniversary of the typological school in Saint Petersburg]. Saint Petersburg: Nestor-Historia, 2011. P. 142–145].
- Радан 2015 — М. Н. Радан. Фонетика и фонологија карашевских говора данас. Прилог проучавању српских говора у Румунији. Нови Сад: Филозофски факултет у Новом Саду, Институт за српски језик САНУ, Матица српска, 2015. [M. N. Radan. Fonetika i fonologija karaševskih govora danas. Prilog proučavanju srpskih govora u Rumuniji [Phonetics and phonology of the Krashovani today. A contribution to the study of Serbian varieties in Romania] Novi Sad: Filozofski fakultet u Novom Sadu, Institut za srpski језик SANU, Matica Srpska, 2015].

- Радан, Бошњаковић 2010 — М. Радан, Ж. Бошњаковић. Досадашња истраживања утицаја румунског језика на лексику српских говора у румунском делу Баната // *Јужнословенски филолог* LXVI, 2010. С. 135–161. [M. Radan, Ž. Bošnjaković. Dosadašnja istraživanja uticaja rumunskog jezika na leksiku srpskih govora u rumunskom delu Banata [Previous research of the Romanian language influence on the lexicon of Serbian speeches in the Romanian part of Banat] // *Južnoslovenski filolog* LXVI, 2010. P. 135–161].
- Ристески 2006 — Љ. С. Ристески. Речник на народна терминологија од Голо Брдо // А. Светиева (ред.). *Живот на граница*. Скопје: Институт за етнологија, 2006. С. 134–156. [Lj. S. Risteski. Rečnik na narodna terminologija od Golo Brdo [Dictionary of folk terminology in Golo Brdo] // A. Svetieva (ed.). *Život na granica* [Life on the Border]. Skopje: Institute of ethnology, 2006. P. 134–156].
- Ровинский 1897 — П. А. Ровинский. Черногория в ее прошлом и настоящем. Т. 2. Ч. 1. СПб.: Типография императорской Академии наук, 1897. [P. A. Rovinskii. Chernogorija v ee prošlom i nastojashchem [Montenegro in its past and present]. Vol. 2. Part 1. Saint Petersburg: Tipografija imperatorskoj Akademii nauk, 1897].
- Русаков 2007 — А. Ю. Русаков. Славянские языки на Балканах: аспекты контактного взаимодействия // Вяч. Вс. Иванов (ред.). *Ареальное и генетическое в структуре славянских языков. Материалы круглого стола*. М.: Пробел-2000, 2007. С. 77–89. [A. Yu. Rusakov. Slavjanskiie jazyki na Balkanakh: aspekty kontaktnogo vzaimodeistviia [Slavic languages in the Balkans: aspects of contact interaction] // V. V. Ivanov (ed.). *Areal'noe i geneticheskoe v strukture slavjanskikh jazykov* [Areal and genetic in the structure of the Slavic languages] Round table materials. Moscow: Probel-2000, 2007. P. 77–89].
- Соболев 1990 — А. Н. Соболев. Заметки о падежных системах сербохорватских говоров контактных зон // *Јужнословенски филолог* XLVI, 1991. С. 13–28. [A. N. Sobolev. Zаметки o padezhnykh sistemakh serbohorvatskikh govorov kontaktnykh zon [Notes on case systems of the Serbo-Croatian dialects in the zones of language contact] // *Južnoslovenski filolog* XLVI, 1990. P. 13–28].
- Соболев 2002 — А. Н. Соболев. Михай Радан. «Карашевские говоры сегодня: фонетика и фонология» // *Јужнословенски филолог* LVIII, 2002. С. 89–109. [A. N. Sobolev. Mihai Radan. «Karashevskie govory segodnia: fonetika i fonologija» [“Krashovani varieties today: phonetics and phonology”] // *Južnoslovenski filolog* LVIII, 2002. P. 89–109].
- Соболев 2011 — А. Н. Соболев. Антибалканизмы // *Јужнословенски филолог* LXVII, 2011. С. 185–195. [A. N. Sobolev. Antibalkanizmy [Antibalkanisms] // *Južnoslovenski filolog* LXVII, 2011. P. 185–195].

- Соболев 2013 — А. Н. Соболев. Основы лингвокультурной антропогеографии Балканского полуострова. Т. I: Homo balkanicus и его пространство. СПб.: Наука; München: Verlag Otto Sagner, 2013. [A. N. Sobolev. Osnovy lingvokul'turnoi antropogeografii Balkanskogo poluostrova. Vol. I: Homo balkanicus i ego prostranstvo [Foundations of linguocultural anthropogeography of the Balkan peninsula]. Saint Petersburg: Nauka; München: Verlag Otto Sagner, 2013].
- Соболев 2015 — А. Н. Соболев. Mrkoviĉi (и Горана): языки и диалекты черногорского Приморья в контексте новейших балканистических исследований // В. Demiraj (hrsg.). Sprache und Kultur der Albaner. Zeitliche und räumliche Dimensionen. Akten der 5. Deutsch-albanischen kulturwissenschaftlichen Tagung. (5.–8. Juni 2014, Buçimas bei Pogradec, Albanien). Wiesbaden: Harrassowitz, 2015. Pp. 533–556. [A. N. Sobolev. Mrkoviĉi (i Gorana): iazyki i dialekty chernogorskogo Primor'ia v kontekste noveishikh balkanisticheskikh issledovaniĭ [Mrkoviĉi (and Gorana): languages and dialects of Montenegrin Littoral in the context of the recent balkanological studies] // B. Demiraj (hrsg.). Sprache und Kultur der Albaner. Zeitliche und räumliche Dimensionen. Akten der 5. Deutsch-albanischen kulturwissenschaftlichen Tagung. (5.–8. Juni 2014, Buçimas bei Pogradec, Albanien). Wiesbaden: Harrassowitz, 2015. P. 533–556].
- Соболев, Новик 2013 — А. Н. Соболев, А. А. Новик (ред.). Голо Бордо (Gollobordë), Албания. СПб.: Наука; München: Otto Sagner Verlag, 2013. [A. N. Sobolev, A. A. Novik (eds.). Golo Bordo (Gollobordë), Albaniia [Gollobordë, Albania]. Saint Petersburg: Nauka; München: Otto Sagner Verlag, 2013].
- Соболев, Русаков 2005 — А. Н. Соболев, А. Ю. Русаков (ред.). Языки и диалекты малых этнических групп на Балканах. СПб.: Наука, 2005. [A. N. Sobolev, A. Yu. Rusakov (eds.). Iazyki i dialekty malykh etnicheskikh grupp na Balkanakh [Languages and dialects of the minor ethnic groups in the Balkans]. Saint Petersburg: Nauka, 2005].
- Томић 1974 — М. Томић. Антропонимија Карашеваца // Зборник Матице српске за филологију и лингвистику XVII. 1, 1974. С. 207–240. [M. Tomić. Antroponimija Karaševaca [The Krashovani anthroponymy] Zbornik Matice sprske za filologiju i lingvistiku XVII. 1, 1974. P. 207–240].
- Трубачев 1975 — О. Н. Трубачев. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Т. 2 (*bez — *bratъ). М.: Наука, 1975. [O. N. Trubachev. Etimologicheskii slovar' slavianskikh iazykov. Praslavianskii leksicheskii fond. Vol. 2 (*bez — *bratъ) [Etymological dictionary of the Slavic languages. Proto-Slavic lexicon. Vol. 2 (*bez — *bratъ)]. Moscow: Nauka, 1975].

- Трубачев 1984 — О. Н. Трубачев. Этимологический словарь славянских языков. Пра斯拉вянский лексический фонд. Т. 11 (*копьсь — *котьна(ја)). М.: Наука, 1984. [O. N. Trubachev. Etimologičeskii slovar' slavyanskikh iazykov. Praslavyanskii leksičeskii fond. Vol. 11. (*копьсь — *котьна(ја)). [Etymological dictionary of the Slavic languages. Proto-Slavic lexicon. Vol. 11 (*копьсь — *котьна(ја))]. Moscow: Nauka, 1984].
- Филиповић 1940 — М. С. Филиповић. Голо Брдо. Скопље: Јужна Србија, 1940. [M. S. Filipović. Golo Brdo [Golo Brdo]. Skopje: Južna Srbija, 1940].
- Юллы, Соболев 2003 — Дж. Юллы, А. Н. Соболев. Албанский гегский говор села Мухурр (краина Дибыр). München: Verlag Otto Sagner, 2003. [Xh. Ylli, A. N. Sobolev. Albanskii gegskii govor sela Muhurr (kraina Dibër) [Albanian gheg dialect of Muhurr (Dibër region)] München: Verlag Otto Sagner, 2003].
- Adamou 2016 — E. Adamou. A corpus driven approach to language contact: Endangered languages in a comparative perspective. Berlin: de Gruyter Mouton, 2016.
- Aikhenvald 2007 — A. Y. Aikhenvald. Grammars in Contact. A cross-linguistic perspective // A. Y. Aikhenvald, R. M. W. Dixon (eds.). Grammars in Contact. A Cross-Linguistic Typology. Oxford, UK: Oxford University Press, 2007. P. 1–66.
- Asenova 2001 [2016] — P. Asenova. Les interférences dans le dialecte de Golo bërdo — Albanie // П. Асенова. Избрани статии по балканско езикознание. София: Faber, 2016. С. 282–309. [P. Asenova. Izbrani statii po balkansko ezikoznanie [Selected papers in Balkan linguistics] Sofia: Faber, 2016. P. 282–309]
- Barth 1969 — F. Barth. Introduction // F. Barth (ed.). Ethnic groups and boundaries: The social organization of cultural difference. Bergen: Universitetsvorlaget, 1969. P. 9–38.
- Beci 2007 — B. Beci. Të folmet qendrore të shqipes së veriut. Gegërishtja qendrore dhe grupimi i të folmeve të saj [The Central dialects of the North Albanian. The Central Gheg and its dialectal classification]. Tiranë: EDFA, 2007.
- Bisang 2006 — W. Bisang. Contact-induced convergence: Typology and areality // K. Brown (ed.). Encyclopedia of language and linguistics. 2nd ed. Oxford: Elsevier, 2006. P. 88–101.
- Bolonić 1966 — M. Bolonić. Seoski kaptoli u Krčkoj biskupiji [Rural chapters in the diocese of Krk] // Bogoslovska smotra 36. 1, 1966. P. 122–145.
- Buzărnescu, Pribac 2002 — Ş. Buzărnescu, S. Pribac. Sursele istorico-antropologice ale interculturalităţii interactive din Banat [Historical and anthropological sources of the interactive interculturality in Banat] // R. Poledna, F. Ruegg, C. Rus (coord.). Interculturalitate: cercetări şi

- perspective românești [Interculturality: research and perspective in Romania]. Cluj: Presa Universitară Clujeană, 2002. P. 164–177.
- Capidan 1936 — T. Capidan. Romanitatea Balcanică. Discurs rostit la 26 mai 1936 în ședința solemnă de Theodor Capidan cu răspunsul D-lui Sextil Pușcariu [The Balkan Romance. speech delivered on May 26, 1936, in the solemn hearing of Theodor Capidan, with the answer of Mr. Sextil Pușcariu]. București: Imprimeria Națională, 1936.
- Charanis 1972 — P. Charanis. The Chronicle of Manemvasia and the question of Slavonic settlements in Greece (Ch. X) // P. Charanis (ed.). Studies on the demography of Byzantine Empire. Collected studies. London: Variorum reprints, 1972. P. 141–166.
- van Coetsem 1988 — F. van Coetsem. Loan phonology and the two transfer types in language contact. Dordrecht: Foris Publications, 1988.
- Crețan, Kun, Vesalon 2014 — R. Crețan, P. Kun, L. Vesalon, From Carasovan to Croat: The “ethnic enigma” of a (re)invented identity in Romania // Journal of Balkan and Near Eastern Studies 16. 4, 2014. P. 437–458.
- Curtis 2012 — M. Curtis. Slavic-Albanian language contact, convergence, and coexistence. Dissertation presented in partial fulfillment of the requirements for the degree Doctor of Philosophy in the Graduate school of The Ohio State university. Ohio, 2012. Manuscript.
- Deffner 1881 — M. Deffner. Zakonische Grammatik. Bd. 1. Lautlehre. Berlin: Weidmannsche Buchhandlung, 1881.
- ERHSJ 1971–1973 — P. Skok. Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika [Etymological dictionary of Croatian or Serbian]. Vol. 1–3. Zagreb: JAZU, 1971–1973.
- Fedchenko 2013 — V. Fedchenko. Subdialectal diversity in the Tsakonian speaking area of Arkadia // M. Janse, B. D. Joseph, A. Ralli, M. Bagriacik (eds.). Proceedings of the 5th international conference of Modern Greek dialects and linguistic theory (MGDLT 5). Ghent, Belgium. 20–22 September 2012. Patras: University of Patras, 2013. P. 76–88.
- Fučić 1971 — B. Fučić. Najstariji hrvatski glagoljski natpisi [The oldest Croatian Glagolitic inscriptions] // Slovo 21, 1971. P. 227–254.
- Fučić 1982 — B. Fučić. Glagoljski natpisi [Glagolitic inscriptions]. Zagreb: JAZU, 1982.
- Fučić 1988 — B. Fučić. Glagoljski natpisi. Dopune 1, 2, 3, 4, 5, 6 [Glagolitic inscriptions. Additions 1, 2, 3, 4, 5, 6] // Slovo 38, 1988. P. 63–73.
- Galović 2013 — F. Galović. Romanski elementi u nazivlju odjevnih predmeta, obuće i modnih dodataka u milnarskome idiomu [Roman loanwords in the terminology of garments, footwear, and accessories in Milna’s idiom] // Čakavska rič XLI. 1–2, 2013. P. 159–188.
- Gjinari, et al. 2007–2008 — J. Gjinari, B. Beci, Gj. Shkurtaj, Xh. Gosturani. Atlasi dialektologjik i gjuhës shqipe [Dialectological atlas of Albanian].

- Vol. I–II. Napoli-Tiranë: Università degli studi di Napoli l'Orientale-Akademia e shkencave e Shqipërisë, 2007–2008.
- Hallig, Wartburg 1963 — R. Hallig, W. von Wartburg. Begriffssystem als Grundlage für die Lexikographie. Berlin: Akademie-Verlag, 1963.
- Hinrichs 2004 — U. Hinrichs. Südosteuropa-Linguistik und Kreolisierung // Zeitschrift für Balkanologie. 40. 1, 2004. S. 17–32.
- Hurezan, Colta 2002 — P. Hurezan, E. R. Colta (red.). Interethnicitate în Europa Centrală și de Est [Interethnicity in Central and Eastern Europe]. Lucrările Simpozionului Internațional Interdisciplinar [Works presented at the International Interdisciplinary Symposium]. Arad: Complexul Muzeal Arad, 2002.
- Hurren 1969 — H. A. Hurren. Verbal aspect and archi-aspect in Istro-Rumanian // La linguistique 5(2), 1969. P. 59–90.
- Kahl 2005 — Th. Kahl. Ethnische Gruppen in der Republik Makedonien und ihre demographischen Eigenschaften // G. Schubert (hrsg.). Forschungen zu Südosteuropa: Makedonien. Prägungen und Perspektiven. Wiesbaden: Harrassowitz, 2005. S. 57–81.
- Lafe, et al. 2008 — E. Lafe, Y. Popa, A. Bërzhohli, J. Bulo, L. Omari, K. Prifti, E. Sulstarova (red.). Fjalor enciklopedik shqiptar [Encyclopedic dictionary of Albanian]. Vol. I. A–Gj. Tiranë: Akademia e Shkencave, 2008.
- Makarova 2017 — A. L. Makarova. On the Macedonian perfect(s) in the Balkan context // Zeitschrift für Slawistik. 62(3), 2017. S. 387–403.
- Makartsev, Wahlström (eds.) 2016 — M. Makartsev, M. Wahlström (eds.). In search of the center and periphery: Linguistic attitudes, minorities, and landscapes in the Central Balkans. Helsinki: University of Helsinki, 2016.
- Margetić 2012 — L. Margetić (ured.). Srednjovjekovni zakoni i opći akti na kvarneru [Medieval codes of laws and official acts in the Kvarner region]. Zagreb-Rijeka: Nakladni zavod Globus-Naklada Kvarner, Pravni fakultet Sveučilišta u Rijeci, 2012.
- Margetić, Strčić 1988 — L. Margetić, P. Strčić (ured.). Krčki (Vrbanski) statut iz 1388 [The Krk (Vrbnik) Statute from 1388] // Krčki zbornik 10. 12, 1988.
- Melissaropoulou, in progress — D. Melissaropoulou. Morphological innovations in Propontis Tsakonian // A. Ralli (ed.). Morphology in Asia Minor dialects. Brill. In progress.
- Memushaj 2011 — R. Memushaj. Fonetika e shqipes standarde [Phonetics of Standard Albanian]. Tiranë: TOENA, 2011.
- Metanović 2012 — M. Metanović. Istorija Mrkojevića [History of the Mrkojevići] // Nevladina organizacija Mrkojevići [Non-state organization Mrkojevići]. 2012. [Online resource]. URL: <http://mrkojevici.me/istorija.html> (Access date 20.04.2018).
- Michaelis, Haspelmath 2014 — S. M. Michaelis, M. Haspelmath. Introductory remarks. Grammatical hybridization and social conditions. Workshop.

- Leipzig 16–18 October 2014. [Online resource]. URL: <http://www.eva.mpg.de/linguistics> (Access date 08.03.2015).
- Mihaljević 2011 — M. Mihaljević. Položaj crkvenoslavenskoga jezika u hrvatskoj srednjovjekovnoj kulturi [The position of the Church Slavonic language in Croatian medieval culture] // И. Велев, А. Гиревски, Л. Макаријоска, И. Пиперкоски, К. Мокрова (ред.). Зборник на трудови од Меѓународниот научен собир «Свети Наум Охридски и словенската духовна, културна и писмена традиција» (организиран по повод на 1100-годишнината от смртта на св. Наум Охридски). Скопје: Универзитет «Св. Кирил и Методиј», 2011. С. 229–238. [I. Velev, A. Girevski, L. Makarijoska, I. Piperkoski, K. Mokrova (red.). Zbornik na трудови од Меѓународниот научен собир «Sveti Naum Okhridski i slovenskata dukhovna, kulturna i pismena traditsija» (organiziran po povod na 1100-godishninata ot smrtta na sv. Naum Okhridski) [Proceedings of the International scientific gathering «St. Naum of Ohrid and the Slavic spiritual, cultural and written tradition» (organized on the occasion of the 1100th anniversary of the death of St. Nahum of Ohrid)]. Skopje: Univerzitet «Sv. Kiril i Metodij», 2011. P. 229–238].
- Morozova, forthcoming — M. Morozova. Language contact in social context: Kinship terms and kinship relations of the Mrkovići in southern Montenegro // *Journal of language contact*. Forthcoming.
- Muljačić 1967 — Ž. Muljačić. Die slavisch-romanische Symbiose in Dalmatien in struktureller Sicht // *Zeitschrift für Balkanologie* V. 1, 1967. S. 51–70.
- Muysken 2013 — P. Muysken. Language contact as the result of bilingual optimization strategies // *Bilingualism: Language and Cognition* 16, 2013. P. 709–730.
- Nexhipi 2013 — R. Nexhipi. Prespa dhe Manastiri nëpër shekuj [Prespa and Monastir (Bitola) through centuries]. Kërçovë: Feniks, 2013.
- Novik, Sobolev 2016 — A. Novik, A. Sobolev. Traditional wedding costume of the Mrkovići in Montenegro: between real heritage and folk construction (materials of the Russian expeditions in 2012–2014) // *Folklore* 66, 2016. P. 15–36.
- Oblak 1896 — V. Oblak. *Mazedonische Studien*. Wien: Gerold, 1896.
- Osmani 1996 — Z. Osmani. E folmja shqipe e Prespës [The Albanian dialect of Prespa]. Shkup: Flaka e vëllazërimit, 1996.
- Papahagi 1974 — T. Papahagi. *Dicționarul dialectului aromân general și etimologic* [General and etimologic of Aromanian]. II-e éd. augmentée. București: Editura Academiei, 1974.
- Pulaha 1968 — S. Pulaha. Kopja e defterit të sanxhakut të Dibrës [A copy of the register of the Sanjak of Dibra] // S. Pulaha. *Lufta shqiptaro-turke*

- në shekullin XV. Burime osmane [Albanian-Turkish wars in the XVth century. The Ottoman sources.]. Tiranë, 1968. P. 326–374.
- Pulaha 1974 — S. Pulaha. Defteri i regjistrimit të Sanxhakut të Shkodrës i vitit 1485 [Register of the Sanjak of Scutari of the year 1485]. Tiranë: Akademia e shkencave e RP të Shqipërisë, 1974.
- Salminen 2007 — T. Salminen. Europe and North Asia (Ch. 3) // C. Moseley (ed.). Encyclopedia of the world's endangered languages. London; New York: Routledge, 2007. P. 211–280.
- Sankoff, et al. 1990 — D. Sankoff, Sh. Poplack, S. Vanniarajan. The case of the nonce loan in Tamil // Language Variation and Change 2. 1, 1990. P. 71–101.
- Schmitt 2009 — O. J. Schmitt. Skanderbeg. Der neue Alexander auf dem Balkan. Regensburg: Pustet, 2009.
- Simić, Ostojić 1996 — R. Simić, B. Ostojić. Osnovi fonologije srpskog književnog jezika [Basics of phonology of the Serbian literary language]. Beograd: Univerzitet u Beogradu, 1996.
- Skok 1950 — P. Skok. Slavenstvo i romanstvo na jadranskim otocima: Toponomastička ispitivanja [Slavic and Romance elements in the Adriatic islands: Studies in toponymy]. Vol. 1. Zagreb: JAZU, 1950.
- Sobolev 2008 — A. N. Sobolev. On some Aromanian grammatical patterns in the Balkan Slavonic dialects // B. Sikimić, T. Ašić (eds.). The Romance Balkans. Belgrade: Balkanološki institut SANU, 2008. P. 113–121.
- Sobolev 2018 — A. N. Sobolev. Hybrid grammar in a Macedonian dialect in Albania // Индоевропейское языкознание и классическая филология XXII, 2018. С. 1248–1255. [Indoeuropeiskoe iazykoznanie i klassicheskaia filologija XXII, 2018. P. 1248–1255].
- Spicijarić Paškvan 2014 — N. Spicijarić Paškvan. Dalmatski (veljotski) i mletački utjecaji u govorima otoka Krka [Dalmat (Veljot) and Venetian influences in the dialects of the Krk island] // Krčki zbornik 70, 2014. P. 71–88.
- Strčić 1988 — P. Strčić. Prilog za sintezu povijesti otoka Krka (s izborom literature) [A contribution to the historical synthesis of the island of Krk (with selected bibliography)] // Arhivski vjesnik 31/32, 1988. P. 31–52.
- Tadmor 2009 — U. Tadmor. Loanwords in the world's languages: Findings and results // M. Haspelmath, U. Tadmor (eds.). Loanwords in the world's languages: a comparative handbook. Berlin: De Gruyter Mouton, 2009. P. 55–75.
- Tekavčić 1976 — P. Tekavčić. O kriterijima stratifikacije i regionalne diferencijacije jugoslavenskog romanstva u svjetlu toponomastike [On the criteria of stratification and regional differentiation of Yugoslavian romance in the light of toponomastics] // Onomastica Jugoslavica 6, 1976. P. 35–56.

- Thomason, Kaufman 1988 — S. G. Thomason, T. Kaufman. Language contact, creolization, and genetic linguistics. Berkeley: University of California Press, 1988.
- Tzitzilis 2013 — C. Tzitzilis. Archaisms in Modern dialects // G. K. Giannakis, V. Bubenik, E. Crespo, C. Golston, A. Lianeri, S. Luraghi, S. Matthaios (eds.). Encyclopedia of Ancient Greek language and linguistics. 2013. [Online resource]. URL: http://dx.doi.org/10.1163/2214-448X_eagll_COM_00000034 (Access date: 13.07.2016).
- Ylli, Steinke 2008 — Xh. Ylli, K. Steinke. Die slavischen Minderheiten in Albanien (SMA). 2. Teil Golloborda — Herbel — Kërçishti i Epërm. München: Verlag Otto Sagner, 2008.
- Αντωνάκτου, Μαύρος 1980 — N. Αντωνάκτου, T. Μαύρος. Ἐνα ἀσκητήριο τῆς Ἀρκαδίας. Ἡ Παναγία στὴ Ζαγγόλη τῆς Τσακωνικῆς Σίταινας // Χρονικά των Τσακόνων Έ, 1980. Σ. 45–47. [N. Antonakatu, T. Mauros. Ena asketerio tes Arkadias. E Panagia te Zangole tis Tsakonikes Sitainas [A hermitage in Arcadia. Virgin of Zangoli in Tsakonian Sitena] // Tsakonian Chronicles 5, 1980. P. 45–47].
- Βαγενᾶς 1974 — Θ. Κ. Βαγενᾶς. Ἡ συλλογὴ Τσακωνικῶν τοπωνυμίων // Χρονικά των Τσακόνων Δ΄, 1974. Σ. 155–156. [Th. K. Vagenas. E sylloge Tsakonikon toponymion [Collection of Tsakonian toponyms] // Tsakonian Chronicles 4, 1974. P. 155–156].
- Κισιλιέρ, Μερτύρης 2018 — Μ. Κισιλιέρ, Δ. Μερτύρης. Περί τῆς γενικῆς στα Τσακόνικα // Χρονικά των Τσακόνων ΚΓ΄.2, 2018. Σ. 219–242. [M. Kisilier, D. Mertyris. Peri tes genikes sta Tsakonika [M. Kisilier, D. Mertyris. About genitive in Tsakonian] // Tsakonian Chronicles, 22.2. 2018. P. 219–242].
- Κοντοσόπουλος 2001 — Ν. Γ. Κοντοσόπουλος. Διάλεκτοι και ιδιώματα τῆς νέας ἐλληνικῆς. Αθήνα: Εκδόσεις Γρηγόρη, 2001. [N. G. Kontosopoulos. Dialektoi kai idiomata tis neas ellenikes [Dialects and idioms of Modern Greek]. Athens: Grigoris books, 2001].
- Κοντοσόπουλος 2010 — Ν. Γ. Κοντοσόπουλος. Κατωϊταλικὴ και Τσακωνικὴ // Μ. Ζ. Κοπιδάκης (επιμ.). Ἱστορία τῆς Ἑλληνικῆς γλώσσας. Αθήνα: Μορφωτικὸ Ἰδρυμα Ἐθνικῆς Τράπεζας, 2010. Σ. 190–192. [N. G. Kontosopoulos. Katoitalike kai Tsakinike [Griko and Tsakonian] // Μ. Ζ. Kopidakis (ed.). Istoría tes Ellenikes glossas [History of Modern Greek]. Athens: National Bank of Greece Cultural Foundation, 2010. P. 190–192].
- Κωστάκης 1986α — Θ. Π. Κωστάκης. Λεξικό τῆς Τσακωνικῆς διαλέκτου. Τ. Ι (Α–Ι). Αθήνα: Ακαδημία Αθηνών, 1986. [Th. P. Costakis. Lexiko tes Tsakonikes dialektou [Dictionary of Tsakonian]. Vol. I (A–I). Athens: Academy of Athens, 1986].

- Κωστάκης 1986b — Θ. Π. Κωστάκης. Λεξικό της Τσακόνικης διαλέκτου. Τ. ΙΙ (Κ–Ο). Αθήνα: Ακαδημία Αθηνών, 1986. [Th. P. Costakis. Lexiko tes Tsakonikes dialektou [Dictionary of Tsakonian]. Vol. ΙΙ (Κ–Ο). Athens: Academy of Athens, 1986].
- Κωστάκης 1987 — Θ. Π. Κωστάκης. Λεξικό της Τσακόνικης διαλέκτου. Τ. ΙΙΙ (Π–Ω). Αθήνα: Ακαδημία Αθηνών, 1987. [Th. P. Costakis. Lexiko tes Tsakonikes dialektou [Dictionary of Tsakonian]. Vol. ΙΙΙ (Π–Ο). Athens: Academy of Athens, 1987].
- Λιόσης 2007 — Ν. Λιόσης. Γλωσσικές επαφές στη Νοτιοανατολική Πελοπόννησο. Διδακτορική διατριβή, Αριστοτελείο Πανεπιστήμιο, Θεσσαλονίκη, 2007. [N. Liosis. Glossikes eraphes sti Notioanatolike Peloponneso [Language contacts in South Eastern Peloponnese]. PhD thesis, Aristotle university of Thessaloniki, Thessaloniki, 2007].
- Λυσίκατος 1980 — Σ. Λυσίκατος. Μελανιώτικα τοπωνύμια // Χρονικά των Τσακόνων Έ, 1980. Σ. 177–184. [S. Lysiktos. Melaniotika toponymia [Toponyms of Melana] // Tsakonian Chronicles 5, 1980. P. 177–184]
- Σαρρής 1956 — Θ. Σαρρής. Περί Τσακόνων και Τσακωνιάς // Χρονικά των Τσακόνων Α΄, 1956. Σ. 25–28. [Th. Sarres. Peri Tsakonon kai Tsakonias [About Tsakonians and Tsakonia] // Tsakonian Chronicles 1, 1956. P. 25–28]
- Χαραλαμπίδης 1980 — Α. Α. Χαραλαμπίδης. Φωνολογική ανάλυση της Τσακωνικής διαλέκτου. Διδακτορική διατριβή, Αριστοτέλειο Πανεπιστήμιο Θεσσαλονίκης, Θεσσαλονίκη, 1980. [A. L. Charalamporoulos. Phonologike analyse tes Tsakonikes dialektou [Phonological analysis of Tsakonian dialect]. PhD thesis, Aristotle university of Thessaloniki, Thessaloniki, 1980].